A young boy with light hair, wearing a brown fur tunic and dark pants, is shown in profile, aiming a bow. He stands in a field of tall, golden grass. The background is a warm, golden glow, suggesting a sunset or sunrise, with silhouettes of trees in the distance.

Хроники  
темных  
времен

# Изгнанник



МИШЕЛЬ ТЕЙВЕР

Хроники темных времен

Мишель Пейвер

**Изгнанник**

«Азбука-Аттикус»

2007

УДК 087.5  
ББК 84(4Вел)-445

**Пейвер М.**

Изгнанник / М. Пейвер — «Азбука-Аттикус», 2007 — (Хроники темных времен)

ISBN 978-5-389-18735-1

Тораку не удалось сохранить роковую тайну от приютившего его племени Ворона – страшная метка, оставленная Пожирателями Душ у него на груди, обнаружена. Он теперь совсем один, разлучен даже с Волком и Ренн, и по закону племен любой, кто встретит изгнанника, обязан его убить. А Повелительница Змей, самая коварная из Пожирателей Душ, не оставила надежду вернуть Торака. Спасаясь от преследователей, юноша укрывается на чужой территории, на камышовых берегах озера Топора, где обитают призраки...

УДК 087.5  
ББК 84(4Вел)-445

ISBN 978-5-389-18735-1

© Пейвер М., 2007  
© Азбука-Аттикус, 2007

# Содержание

От автора	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48



# **Мишель Пейвер**

## **Изгнанник**

Michelle Paver

OUTCAST

Text copyright © Michelle Paver 2007

Illustrations copyright © Geoff Taylor

First published in Great Britain in 2007

The right of Michelle Paver to be identified as the author of this work has been asserted

All rights reserved

© И. А. Тогоева, перевод, 2010

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2020

Издательство АЗБУКА®

## От автора

Мир Торака отстоит от нашего на шесть тысяч лет. Он возник сразу после ледникового периода и существовал вплоть до наступления эры земледелия, когда всю Северо-Западную Европу еще покрывали сплошные леса.

Люди во времена Торака выглядели в точности как и сегодняшние, но жили они по иным правилам и законам. Они не знали письма и колеса, не умели выплавлять металлы, но и не особенно во всем этом нуждались. Они и так прекрасно умели выживать в дикой природе. Они знали все о животных, деревьях, съедобных и несъедобных растениях и скалах своего родного Леса. И если им что-нибудь было нужно, они знали, где это найти или как это сделать.

Когда я собирала материал для книги «Изгнанник», я немало времени провела в окрестностях озера Сторсьён в Северной Швеции. Там мне очень повезло: бродя по весеннему лесу, я слышала рев лосей и случайно обнаружила сложную систему плотин, созданных бобрами. Мне также довелось буквально нос к носу столкнуться с лосем (их в Северной Америке называют *moose*). Дело было в лосином заповеднике, там же я познакомилась сразу с несколькими очаровательными лосятами пяти дней от роду и с одним крайне печальным годовалым лосенком-подростком, которого только что бросила мамаша – лосиха поистине великанских размеров.

Идея резных изображений на скалах близ целебного источника племени Выдры связана с моими восторженными впечатлениями от аналогичных изображений на скалах в Глэзе близ Сторсьёна, которые, как считают ученые, предположительно были созданы современниками Торака. Там же я имела возможность полюбоваться различными типами одежды людей каменного века, их музыкальными инструментами, их оружием и лодками, сшитыми из лосиных шкур.

Чтобы поближе познакомиться с волчатами, мне пришлось завязать дружбу с некоторыми очень юными членами UKWC – Британской государственной организации по охране волков; там я кормила волчат из бутылочки, играла с ними и, что самое главное, подолгу наблюдала, как они играют друг с другом, как поразительно быстро развиваются и взрослеют, буквально за несколько месяцев превращаясь из крошечных пушистых комочков в крупных и довольно-таки шумных молодых волков.

Чтобы как следует прочувствовать характер и повадки змей, я познакомилась с некоторыми из них – например, в Лонглите я даже брала в руки одного очень красивого крапчатого полоза и двух королевских питонов, очень любопытных и невероятно сильных. Скажу честно, я никак не могла понять, отчего кому-то змеи кажутся прекрасными, даже вызывающими восхищение, пока не взяла одну из них на руки и не почувствовала у себя на лице мимолетные прикосновения ее пытливого язычка.

\* \* \*

Мне хочется поблагодарить всех сотрудников Британской государственной организации по охране волков за то, что они позволили мне подружиться с волчатами и наблюдать за ними. Я также очень благодарна Сьюну Хётгмарку из Оррвикена за то, что он поделился со мной своими обширными познаниями о жизни лосей и позволил совсем близко подходить к спасенным им лосям и лосятам. Спасибо в высшей степени дружелюбным, оказавшим мне огромную помощь людям из туристических информационных центров в Крокоме и Ёстерсунде: ведь они не только помогли мне добраться до Глэзы, но и провели для меня ознакомительную экскурсию, и, хотя день выдался на редкость холодный и дождливый, он остался в моей памяти

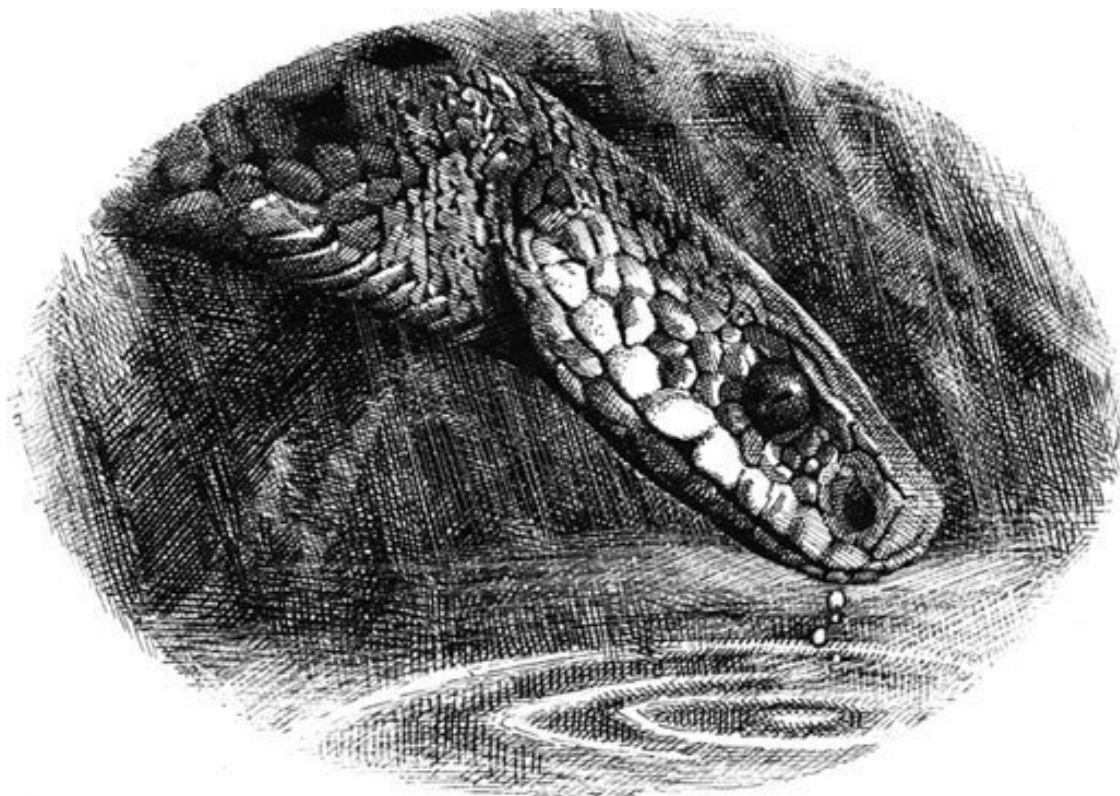
как один из самых впечатляющих дней моей жизни. Я также безумно благодарна мистеру Деррику Койлу, старшему смотрителю воронов Тауэра, за то, что он поделился со мной своими поистине неисчерпаемыми знаниями и опытом в отношении некоторых весьма специфических представителей племени воронов. Спасибо большое Дарену Бисли и Киму Такеру из Лонглита за то, что познакомили меня с некоторыми поразительно красивыми, просто восхитительными змеями.

\* \* \*

И как всегда, я хочу поблагодарить своего агента Питера Кокса за его неиссякаемый энтузиазм и поддержку, а также своего замечательного издателя Фиону Кеннеди за богатое воображение, преданность и понимание.

*Мишель Пейвер, 2007*

## Глава 1



Гадюка, скользнув вниз по берегу реки к самой воде, опустила плоскую голову. Торак остановился в нескольких шагах от змеи, позволяя ей спокойно утолить жажду.

К тому же у него уже ныли плечи от тяжелой ноши – мощных ветвистых рогов благородного оленя. Положив рога на землю, он присел на корточки в папоротниках и стал наблюдать за гадюкой. Змеи мудры, они знают множество тайн. Может, как раз эта змея и поможет ему найти то решение, которое ему вот уже столько дней не удавалось принять?

Гадюка пила неторопливо. Потом, приподняв голову, оглянулась на Торака – мелькнул раздвоенный язык: змея запоминала его запах. Затем она изящно развернулась и мгновенно исчезла в папоротниках.

Никакого знака, никакой подсказки она ему не оставила.

«Ну и не нужно тебе ничьей подсказки, – устало подумал Торак. – Ты и сам знаешь, как поступить. Надо просто взять и все рассказать. Вот вернешься в лагерь, подойди к ним и скажи: „Ренн, Фин-Кединн, я хочу вам рассказать, что случилось со мной два месяца назад. Пожиратели Душ сбили меня с ног, они были сильнее... и оставили у меня на груди свою метку! И теперь...“ Нет. Это никуда не годится, – оборвал он ход своих мыслей. Торак легко мог себе представить, какое у Ренн будет лицо после его признания, как она с обидой выкрикнет: „Ты, мой лучший друг, целых два месяца врал мне?!“ – Что же все-таки делать?» Торак обессиленно уронил голову на руки.

И вдруг услышал шорох. Подняв голову, он увидел на противоположном берегу северного оленя. Олень, стоя на трех ногах, четвертой, задней ногой яростно чесал набухшие кровью рога. Он, видимо, почувствовал, что Торак охотиться на него не собирается, и спокойно продолжал чесаться, хотя из рогов уже текла кровь. Похоже, этот зуд он мог унять, лишь расчесывая лоб до крови. Причиняя себе жуткую боль.

«Вот и мне нужно поступить так же! – подумал Торак. – Причинить себе боль. Вырезать проклятую метку, чтоб от нее и следа не осталось. Но сделать это нужно втайне, чтобы никто никогда ничего не узнал».

Только вот беда: даже если он и сумеет все это вытерпеть, от этой метки ему не избавиться, пока не будет должным образом совершен магический обряд. Торак узнал об этом от Ренн, осторожно выведав у нее все под тем предлогом, что увидел на ее запястьях новую татуировку в виде молний.

«Если не совершить обряд, – сообщила Ренн, – метки непременно появятся снова».

«Как это – появятся снова?!» – Торак пришел в ужас от этих слов.

«А вот так. Ты просто не представляешь себе, насколько глубоко такая татуировка въедается в плоть и кровь! Так что, даже если ее срезать, она все равно будет видна».

«В общем, ясно: самому мне с этим не справиться. Впрочем, надо попробовать все же заставить Ренн рассказать об очистительном обряде – разумеется, не открывая истинной причины того, зачем мне это понадобилось», – крутились мысли в голове у Торака.

Северный олень раздраженно встряхнулся и потрусил обратно в Лес, а Торак, вновь взвалив на плечи тяжелые рога, двинулся к стоянке. Здорово, что он нашел эти рога; они достаточно велики, так что каждому в племени достанется по кусочку. Ведь рог, как известно, самый лучший материал для изготовления рыболовных крючков и молоточков, которыми расщепляют кремь. Фин-Кединн наверняка будет доволен. Торак старался думать только о своей удачной находке и больше ни о чем. Но и это не помогло ему отвлечься от тяжелых мыслей. А ведь до сих пор он толком даже и не понимал, какая стена выросла из-за этой тайны между ним и остальными членами племени Ворона. Проклятая метка напоминала ему теперь о себе постоянно, даже когда они вместе с Ренн и Волком охотились!

Начался месяц Лососевого Нереста, и пронизывающий ветер, дувший с востока, приносил с собой острый запах рыбы. Пробираясь сквозь густой сосняк, Торак хрустел кусочками коры и веток – мусором, оставшимся после того, как дятлы поработали здесь своими клювами. Слева о чем-то громко болтала Зеленая Река, обретя наконец свободу после долгого заточения во льдах, а справа вздымалась каменистая щека одной из гор Сломанного Хребта. Кое-где в камне виднелись рубцы – в этих местах лесные племена всегда вырубали себе пластины красного сланца, который, как известно, приносит удачу на охоте. Вот и сейчас оттуда доносился стук каменного топора.

«Мне бы тоже надо вырубить себе кусок сланца, – подумал Торак. – И сделать наконец новый топор. И вообще, надо больше заниматься делами, а не терзать себя бесплодными размышлениями!» Он даже невольно воскликнул:

– Нет, так дальше невозможно!

– Ты прав, – услышал он чей-то голос. – Да и ни к чему тебе это.

Они сидели прямо на выступе горы шагах в десяти от него: четверо уже достаточно взрослых парней и две девушки. Присев на корточки, они смотрели на него довольно сердито. У одних – из племени Кабана – темные волосы были обрезаны по плечи, на лбу челка, на груди кабаньи клыки, на плечах грубые накидки. У других – из племени Ивы – куртки были украшены амулетами в виде сплетенных из коры спиралей, а лбы – татуировкой в виде трех черных листков, придававшей их лицам хмурое выражение. Все шестеро были явно старше Торака. У парней уже начинала появляться щетина, а у девушек под племенной татуировкой красовалась короткая красная полоска – признак взросления.

Они, конечно же, пришли сюда за сланцем: Торак заметил, что одежда их вся покрыта каменной пылью. Кроме того, вдали виднелась прислоненная к скале самодельная лестница – цельный ствол дерева с зарубками для ног, чтобы легче было взбираться. Впрочем, было видно, что в данный момент их волновал вовсе даже не сланец.

Торак смотрел на них, не отводя глаз, даже с вызовом, в надежде, что они не заметят, как он напуган этой неожиданной встречей.

– Что вам надо? – спросил он.

Аки, сын вождя племени Кабана, кивнул в сторону оленьих рогов, которые нес Торак.

– Это мое. Положи-ка их на землю.

– Нет, – спокойно ответил Торак. – Это я их нашел. – И, давая понять своим противникам, что он вооружен, поправил лук на плече и слегка прикоснулся к ножу из голубого сланца, висевшему у него на бедре.

Но на Аки его намеки ничуть не подействовали.

– Эти рога принадлежат мне! – повторил он.

– А ты их украл! – злобно подхватила девчонка из племени Ивы.

– Если бы они принадлежали тебе, – возразил Торак, обращаясь к Аки, – на них была бы твоя метка. И я, конечно, не тронул бы их.

– А там и была моя метка! У основания каждого рога. Просто ты ее стер!

– Ничего я не стирал! – возмутился Торак.

И вдруг заметил то, что должен был заметить гораздо раньше, – мазок охры у основания одного из рогов и изображение кабаньего клыка. У Торака даже уши запылали от стыда.

– Я твоего знака просто не заметил! И ничего я не стирал! – смутившись, ответил Торак.

– Тогда положи рога на землю и убирайся отсюда, – крикнул ему парнишка по имени Раут, всегда казавшийся Тораку более справедливым, чем Аки, который постоянно нарывался на драку.

А драться с ним Торак был совершенно не намерен.

– Ладно, – быстро сказал он, – я ошибся, не заметил метку. Рога ваши.

– И ты решил, что эта ошибка просто так сойдет тебе с рук? – грозно спросил Аки.

Торак вздохнул. Ему уже не раз доводилось иметь дело с Аки. Вот уж настоящий задира! А все потому, что вечно сомневается, все ли ровесники признают его вожаком. Вот изо всех сил и старается доказать свое превосходство с помощью кулаков.

– Думаешь, ты один у нас такой особенный? – оскалился Аки. – Потому что Фин-Кединн принял тебя в свое племя? Потому что ты можешь с волками разговаривать, да еще и душа у тебя, говорят, какая-то блуждающая? – Аки почесал ногтями подбородок, словно желая удостовериться, что прораставшая там редкая щетина никуда не исчезла. – На самом деле всем известно, что Вороны приняли тебя только потому, что собственное племя тебя знать не желает! Впрочем, и Фин-Кединн не очень-то тебе доверяет. Иначе он давно сделал бы тебя своим приемным сыном. Что, скажешь, я не прав?

Торак только зубами скрипнул от досады. И украдкой огляделся. Вода в реке еще слишком холодная – удрать от них вплавь не удастся. К тому же на берегу виднелись их лодки-долбленки, значит бежать вниз по течению тоже не имело смысла: они все равно перехватят его в том месте, где Зеленая Река вливается в озеро Топора. А главное – никого из своих поблизости не было, никто не мог прийти ему на помощь: Ренн далеко, на той стоянке, что у северного берега озера, до которого полдня пути отсюда, а Волк еще ночью отправился на охоту...

Торак положил оленьи рога на землю.

– Я же сказал, они ваши, – повторил он и двинулся дальше по тропе.

– Трус! – крикнул ему в спину Аки.

Торак не обратил на насмешку внимания, но внезапно в висок ему угодил камень.

Он сердито обернулся:

– Значит, я трус? Зато вы очень смелые – вшестером на одного!

Лицо Аки под густой челкой побагровело от гнева.

– Ладно, давай по-честному: только ты и я. – Он скинул свою куртку, обнажив весьма упитанную грудь, покрытую рыжеватыми волосами.

Торак не двинулся с места.

– Что? Испугался? – насмешливо крикнула ему девчонка из племени Кабана.

– Ничего я не испугался, – сказал Торак. Но ему действительно было страшновато. Он ведь совсем забыл о том, что люди Кабана всегда раздеваются до пояса перед дракой. Сам-то он этого сделать никак не мог! Ведь тогда они увидели бы ту метку...

– Готовься к бою! – рявкнул Аки, спускаясь по самодельной лестнице.

– Не буду я с тобой драться, – заявил Торак, встав как вкопанный.

В воздухе просвистел еще один камень, но он умудрился поймать его на лету и ловко швырнул обратно. И тут же та противная девчонка из племени Кабана взвизгнула: камень угодила ей в лодыжку, она зажала ее рукой, и из-под пальцев у нее сочилась кровь.

Аки уже почти спустился на землю, следом за ним начали слезать и все остальные, точно муравьи, почуявшие запах меда.

Торак схватил один из оленьих рогов, зацепился его отростком за ветку ближайшей сосны и прямо-таки взлетел на дерево.

– Ага, попался! – завопил Аки.

«Не дождетесь!» – подумал Торак.

Дерево, на которое он взобрался, росло совсем недалеко от скалы. Торак быстро прополз по ветке и спрыгнул прямо на выступ, – который только что покинули его недруги. Там валялись брошенные ими кварцевые пилы и точильные камни, горел небольшой костерок, а в горячей золе было закопано ведро из толстой лосиной шкуры, полное сосновой смолы, – чтобы смола оставалась теплой и не застывала. Торак заметил, что выше склон уже не такой крутой и весь порос кустами можжевельника, так что взобраться будет совсем нетрудно.

Швыряя в своих врагов камнями и ловко избегая пущенных ими снарядов, Торак подбежал к лестнице и изо всех сил налег на нее, пытаясь оттолкнуть от скалы, но она не поддавалась. Оказалось, добытки сланца для пущей надежности привязали ее крепкими веревками из сыромятной кожи. Времени перерезать веревки у Торака, разумеется, не было, и тогда он сделал то единственное, что могло помешать Аки и остальным подняться на выступ: схватил ведро с горячей смолой и опрокинул его на своих преследователей.

Раздался такой яростный рев, что Торак даже выронил ведро из рук. Оказалось, Аки был куда проворнее, чем можно было предположить, и к тому времени он снова был на лестнице и уже почти добрался до выступа. Так что Торак, вовсе не имея намерения так уж особенно вредить одному Аки, опростал полное ведро смолы прямо на него.

Повизгивая, точно раненый кабан, и проклиная все на свете, Аки сполз по лестнице вниз.

А Торак, цепляясь за ветки можжевельника, птицей взлетел на вершину горы.

\* \* \*

Он бежал через Лес на северо-восток, и крики врагов у него за спиной становились все глуше. Ох, как он ненавидел себя за то, что ему приходится спасаться бегством! Но уж лучше пусть его называют трусом, чем все откроется.

Вскоре склон стал более пологим, и Торак смог легко спуститься к реке, при этом стараясь держаться подальше от протоптанной лесными племенами дорожки. Он шел, следуя не приметной волчьей тропой, – такие тропы он мог отыскать в Лесу всегда, почти не напрягаясь. Он решил как можно быстрее добраться до брода, перейти через реку и вернуться на стоянку племени Ворона. Наверняка впереди у него серьезные неприятности, но Торак верил, что Фин-Кединн будет на его стороне.

В зарослях прибрежного ивняка Торак остановился, чтобы немного перевести дыхание. От быстрого бега в груди жгло, как огнем. Деревья вокруг еще только просыпались после долгого зимнего сна. Пчелы гудели на пушистых и желтых, как цыплята, цветках ивы; в полоске

солнечного света дремала белка, обвив ветку хвостом. В реке на мелководье купалась сойка. Похоже, никакой погони не было, иначе Лес, конечно, предупредил бы его об этом.

Торак с облегчением вздохнул и, почувствовав слабость в ногах, прислонился к стволу дерева.

Рука его невольно скользнула за пазуху, нащупывая на груди проклятую татуировку. А в ушах в который раз прозвучал свистящий шепот Повелительницы Змей, напоминающий шипение гадуки: «Эта метка на твоём теле будет вечно терзать тебя, точно острие гарпуна, застрявшее у тюленя под шкурой. И она навсегда соединит тебя с нами. Одно движение – и мы направим тебя туда, куда нужно нам, сколько бы ты ни сопротивлялся. Ибо теперь ты один из нас...»

– Я не один из вас! – пробормотал Торак. – Нет!

Но он помнил, как, лежа без сна долгими зимними ночами, постоянно чувствовал эту жгучую метку у себя на груди. И с ужасом думал, какое зло она может ему причинить. И какое зло она может заставить его совершить.

Где-то на юге провыл Волк. Он поймал зайца и в песне выражал свою радость и благодарность Лесу, а также сообщал о своей удаче Большому Брату и всем, кто его слышал.

У Торака сразу стало легче на душе. Волк, похоже, ничего не имел против метки Пожирателей Душ. Как, впрочем, и сам Лес. Ведь Лес-то наверняка знал о ней, но тем не менее не собирался изгонять Торака из своих владений.

Сойка, перестав плескаться, взлетела, роняя капли воды, и несколько мгновений Торак следил за ней. Затем, словно очнувшись, резко оттолкнулся от дерева и побежал. Но едва успел выбежать из густого подлеска, как столкнулся с Аки, который с такой силой боднул Торака головой в грудь, что тот, не удержавшись на ногах, распластался на земле.

Аки почти невозможно было узнать. Он весь был покрыт липкой сосновой смолой. На совершенно черной физиономии яростно сверкали покрасневшие глаза, и его прямо-таки окутывало облако смоляного запаха и бешеной злобы.

– Значит, ты меня решил провести? – заорал он. – Дураком меня перед всеми выставить захотел?

Торак с трудом поднялся на ноги и попятился от разъяренного Аки.

– Я не хотел! Я не заметил, что ты снова наверх полез!

– Врешь! – Аки замахнулся и попытался рубануть топором Тораку по ногам.

Тот подпрыгнул, уходя от страшного удара, и, отскочив в сторону, с силой ударил ногой по правой руке Аки, сжимавшей рукоять топора. Аки выронил топор, но тут же выхватил нож. Торак тоже схватился за нож, и противники стали кружить, выбирая момент для удара.

Сердце Торака молотом стучало по ребрам; он тщетно пытался собраться с мыслями, припоминая те приемы борьбы, которым учил его отец, а затем и Фин-Кединн.

Внезапно Аки сделал первый выпад, но просчитался всего лишь на мгновение. Торак успел не только увернуться, но и с силой пнуть его ногой в живот, а потом еще и засадить кулаком в горло. Аки начал задыхаться и, цепляясь за куртку Торака, стал сползать на землю. И тут кожаные тесемки на куртке оборвались, она распахнулась – и Аки увидел у Торака на груди ту самую метку!

Казалось, даже время замедлило свой бег.

Аки отпустил Торака и, пошатываясь, попятился от него.

А сам Торак словно прирос к земле.

Аки смотрел то на страшную метку, то на Торака. Несмотря на смолу, покрывавшую его лицо, было видно, что он прямо-таки побелел от ужаса.

Он, правда, довольно быстро пришел в себя. И ткнул Тораку пальцем в лоб, целясь прямо между глазами, а потом сделал какой-то странный жест рукой, как бы отсекая его от себя. Торак никогда не видел такого жеста.

А потом Аки повернулся и побежал что есть сил.

\* \* \*

Он, видимо, очень быстро добрался до своей долбленки, да и плыл быстрее лосося, стремящегося к нерестилищу, потому что, когда к середине дня Торак подошел наконец к стоянке племени Ворона, ему сразу стало ясно, что Аки там уже побывал. Он догадался об этом по тому напряженному молчанию, которым встретили его люди, увидев на поляне.

Вокруг сразу воцарилась тишина; слышны были лишь потрескивание стоек для вяления рыбы и мяса да тихий шепот реки. Тхулл и его жена Люта, с которыми Торак делил жилище, смотрели на него как на чужака. И только их семилетний сынишка Дари, преданный друг Торака, вечно бегавший за ним по пятам, бросился ему навстречу, но тут же был остановлен отцом, который потащил его назад, при этом что-то сердито приговаривая.

В этот момент, словно птица, вылетела из своего жилища, крытого оленьими шкурами, Ренн – рыжие волосы растрепаны, на щеках от возмущения пылают румянец.

– Торак, наконец-то! Я знаю, это какая-то ошибка! Я уже сказала им, что все это ложь!

Следом за ней появился Аки вместе со своим отцом, вождем племени Кабана, вслед за ними вышел и Фин-Кединн. Лицо его было мрачным; он, тяжело опираясь на посох, вышел на середину поляны и остановился. Но когда он заговорил, голос его звучал так же спокойно, как и всегда.

– Я поручился за тебя, Торак. Я сказал, что этого не может быть.

Они так в него верили! Как же ему вынести все это?..

Вождь племени Кабана гневно взглянул на Фин-Кединна:

– Значит, моего сына ты считаешь лжецом? – Этот человек представлял собой как бы увеличенную копию своего сына Аки: такое же квадратное лицо и вечно сжатые, готовые к бою здоровенные кулаки.

– Лжецом я его не считаю, – спокойно ответил Фин-Кединн. – Он просто ошибся.

Вождь племени Кабана сердито мотнул головой, но сдержался и промолчал.

– Я всего лишь утверждаю, – продолжал между тем Фин-Кединн, – что этот парнишка никакой не Пожиратель Душ. И он может это доказать. Торак, сними-ка свою куртку.

– Что? – Ренн резко повернулась к нему. – Дядя, как ты мог даже подумать...

Фин-Кединн взглядом заставил ее замолчать и снова повернулся к Тораку:

– Ладно, Торак, давай-ка побыстрее! Это же явное недоразумение.

Торак оглядел лица столпившихся вокруг людей. После гибели отца они приняли его в свое племя! Он почти два года прожил с ними, и они уже стали воспринимать его как своего. Неужели сейчас одним движением все это будет перечеркнуто?

Он медленно снял с плеча лук и колчан, положил их на землю, затем снял ремень. В ушах у него звенело. Пальцы не слушались и казались совершенно чужими.

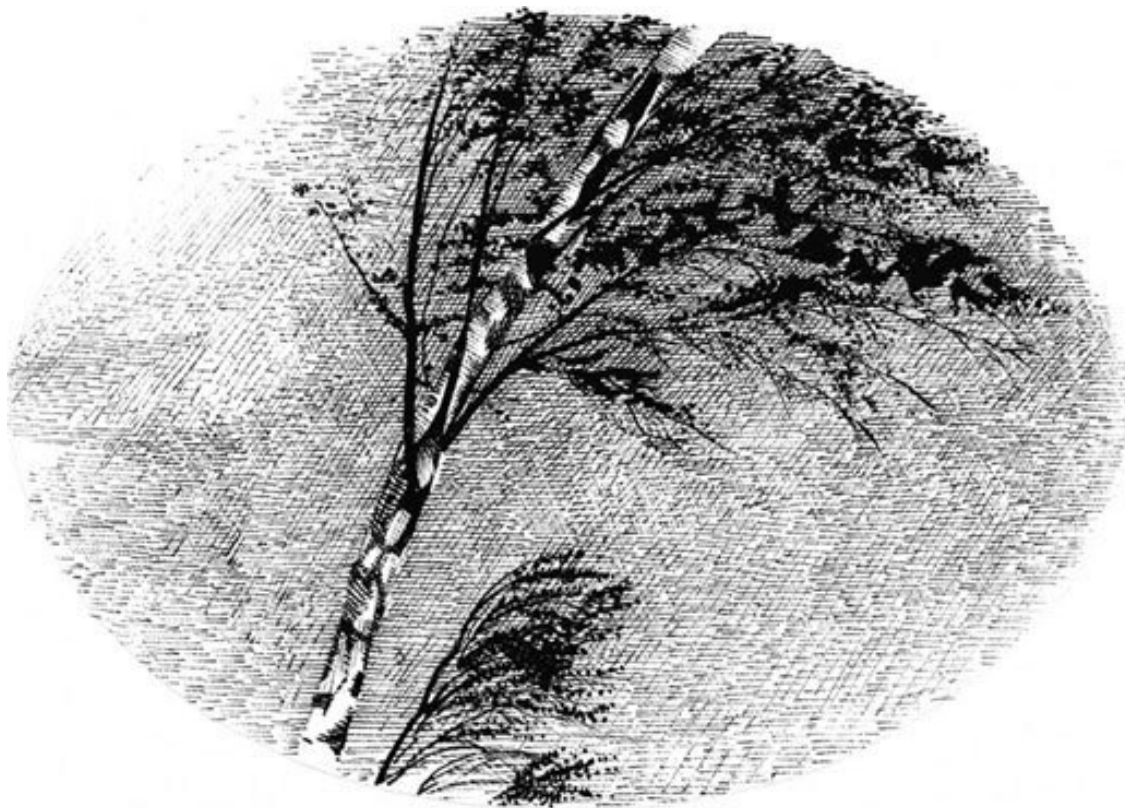
Торак быстро произнес про себя короткую молитву Лесу и... через голову стянул с себя куртку.

Он видел, как Ренн невольно открыла рот, но не издала ни звука.

Видел, как рука Фин-Кединна настолько сильно сжала набалдашник посоха, что побелели костяшки пальцев.

– Я же говорил вам! – вскричал Аки. – Вон он, трезубец! Я же говорил! Этот ваш Торак – настоящий Пожиратель Душ!

## Глава 2



– Почему ты ничего не рассказал мне? – спросил Фин-Кединн тем самым тоном, который заставлял бледнеть от испуга даже взрослых мужчин.

– Я хотел, – пробормотал Торак, – но мне...

– Но тебе – что?

Торак опустил голову, не в силах вымолвить ни слова.

На поляне теперь были только они одни. Аки и его отец ушли на стоянку племени Кабана. К остальным племенам, проживавшим по соседству, срочно отправили гонцов с ужасной новостью. Фин-Кединн перед тем, как на стоянку ворвался Аки, был занят выскабливанием оленьей шкуры и после сцены с признанием Торака демонстративно вернулся к прежнему занятию. Это означало, что и всем остальным также следует вернуться к своим делам и предоставить ему, вождю, решать, как дальше быть с Тораком. Кто-то отправился на охоту, кто-то пошел вверх по реке – бить острогой рыбу, идущую на нерест. Ренн же нигде не было видно.

На стоянке установилась какая-то неестественная тишина. На берегу лежала лодка из оленьих шкур, которую заботливо оттащили подальше от воды; на кусте можжевельника висела и сохла сеть, сплетенная из лыка. Березы вокруг были покрыты сверкающей на солнце молодой листвой, в траве сияли голубые глаза анемонов, желтые цветочки чистотела и серебристая рыба чешуя. Ничто не напоминало о том, что совсем недавно здесь развернулись ужасающие события.

Торак смотрел, как Фин-Кединн, развесив шкуру на бревне, тщательно ее разглаживает и растягивает. На руках у вождя племени вздулись вены, а движения – обычно такие размеренные – казались какими-то резкими, даже нервными.

– Если бы ты все рассказал мне раньше, мы вместе постарались бы найти какой-то выход.

– Я думал, что сумею сам избавиться от этой проклятой метки, ничего никому не рассказывая... – Торак почувствовал, как глупо это прозвучало: словно одна ложь тянула за собой другую.

Фин-Кединн взял скребок из оленьего ребра и принялся тщательно соскабливать со шкуры подкожный жир, но не плавно, как обычно, а короткими, злобными рывками.

– Зачем ты принес в мое племя эту метку зла?

– Я не хотел! Поверь мне, Фин-Кединн! Ты должен мне поверить! Я пытался сопротивляться, но их было слишком много!

Вождь в гневе отшвырнул скребок:

– Но ведь ты же сам искал их! Сам полез в их логово! Сам подобрался к ним слишком близко!

– Я был вынужден! Они взяли в плен Волка!..

– Ну конечно, причина всегда найдется! – Фин-Кединн был настолько разгневан, что Торак даже немного отступил от него. – Ты такой же, как твой отец! Когда я предупреждал его, чтобы он держался от них подальше, он не пожелал меня слушать. Все твердил, что они хотят нам добра, все называл их Целителями – даже когда всем стало ясно, что они злодеи!.. – Он перевел дыхание, помолчал, потом договорил: – А в итоге и сам погиб, и мать твою погубил.

Торак вдруг заметил, какие глубокие морщины пролегли у Фин-Кединна по углам рта, какая боль светится в его пылающих яростью голубых глазах. И во всем этом виноват он, Торак! Он причинил эту нестерпимую боль замечательному человеку, которого уже успел так сильно полюбить.

А вождь племени Ворона вновь принялся за работу. Чувствуя противную вонь, исходящую от оленьей шкуры, Торак смотрел, как окрашенный кровью жир пузырится под острым костяным скребком, и представлял себе, как сам срезает слой собственной плоти, желая избавиться свое тело от татуировки, нанесенной Пожирателями Душ.

– Я ее вырежу! – решительно заявил он. – Ренн говорила, что есть такой специальный обряд...

– Это можно совершить только в полнолуние. А сейчас как раз наступили дни черной луны. Ты опоздал, Торак.

Поднявшийся вдруг холодный ветер принес запах дождя, и Торак поежился.

– Фин-Кединн, ты же знаешь, я не Пожиратель Душ!

Скребок замер.

– А как ты можешь доказать это? – Фин-Кединн посмотрел на Торака в упор. Его глаза были полны такой великой печали, что в ней, казалось, тонул даже его гнев. – Неужели ты не понимаешь, Торак: не так уж важно, что именно думаю я! Главное для тебя – это убедить всех остальных. И моей власти вождя тут недостаточно. Теперь перед всеми за тебя может поручиться только твое собственное племя.

Торак похолодел. По рождению он считался членом племени Волка, но отец всегда старался держать его подальше от соплеменников. Собственно, Торак никогда никого из них даже не видел. Впрочем, люди Волка были малообщительны – редко кому удавалось встретиться с ними. Особенно после того, как на племя обрушился великий позор, ибо их колдун – отец Торака – добровольно стал Пожирателем Душ. С тех пор племя таилось в чаще Леса, став таким же неуловимым, как его покровитель Волк.

Торак коснулся потрепанного клочка волчьей шерсти, пришитого к куртке. Этот символ племени был для него священным, ибо достался от отца. Но только это и связывало его с собственным племенем.

– Как же мне найти своих сородичей? – спросил он.

– А ты их и не найдешь, – откликнулся Фин-Кединн. – До тех пор, пока они сами этого не захотят.

– А если они так и не придут? Если не захотят за меня поручиться?

– Тогда у меня не будет выбора. Я буду вынужден подчиниться закону племен и изгнать тебя.

Ветер усилился, и березы замахали своими ветвями, будто прогоняя Торака, словно он уже стал изгнанником, словно они боялись даже прикоснуться к нему...

– Ты понимаешь, что это значит? – спросил Фин-Кединн. – ЧТО такое быть изгнанником?

Торак покачал головой.

– Это почти то же самое, что стать мертвым. Ты будешь изолирован ото всех. И все станут охотиться на тебя, как на дичь. И никто не сможет тебе помочь. Даже я. Даже Ренн. Это строго запрещено. Нам нельзя будет ни поговорить с тобой, ни дать тебе поесть. А если мы это сделаем, то и сами станем изгнанниками. И если кто-то – и мы в том числе – увидит тебя в Лесу, то должен будет тебя убить.

Торак вздрогнул:

– Но я же ничего не сделал!

– Таков закон, – сказал Фин-Кединн. – Много зим тому назад, после того, как великий пожар разбросал Пожирателей Душ по разным сторонам, старейшины племен приняли этот закон, дабы не позволить проклятым колдунам вернуться назад и остановить тех, кто пожелал бы к ним присоединиться.

Начали падать первые капли дождя, оставляя пятна на вывернутой оленьей шкуре, и Фин-Кединн подытожил, не глядя на Торака:

– Ступай в свое жилище.

– Но, Фин-Кединн...

– Ступай. Вскоре состоится общее собрание племен, и старейшины вынесут решение.

Торак мучительно слотнул:

– А как же Тхулл и Люта? И Дари? Я ведь жил с ними вместе...

– Тхулл с Лютой построят себе другое жилище. А тебе с этого момента я запрещаю с кем бы то ни было разговаривать. Оставайся в своем жилище и жди решения племен.

– И долго мне придется ждать?

– Столько, сколько потребуется. И знаешь что, Торак... Не вздумай бежать. Этим ты сделаешь себе только хуже.

Торак уставился на вождя:

– Куда уж хуже...

– Хуже всегда сделать можно, – возразил Фин-Кединн.

\* \* \*

Торак убедился в правоте его слов через два дня, когда Ренн все же пришла наконец навестить его.

До этой минуты он ни разу даже мельком не встречал ее. Вход в его жилище был с другой стороны центральной поляны, и он почти не видел того, что там происходит. Правда, порой он ухитрялся кое-что разглядеть в щели меж шкурами или когда выносил на помойку отбросы. Все остальное время он сидел, глядя на пламя своего маленького костерка у входа, и прислушивался к гомону собиравшихся на собрание представителей племен.

Но под конец второго дня Ренн все-таки удалось прокрасться к его жилищу. Она была очень бледна, так что сильно выделялись черно-синие полоски татуировки у нее на скулах, казавшиеся живыми.

– Надо было сразу все мне рассказать! – ледяным тоном заявила она.

– Я понимаю...

– Понимает он! Надо было рассказать! – И в гневе она с такой силой пнула ногой столб у входа, что все жилище содрогнулось.

– Я думал, что сумею тайком избавиться от этой метки.

Присев на корточки у костерка, Ренн помолчала, сердито глядя на угли.

– Ты целых два месяца врал мне! – снова заговорила она. – Только не говори, что промолчать не значит соврать. Потому что это одно и то же!

– Я знаю. Прости меня.

Она не ответила.

За зиму у нее в уголке рта появилось крошечное родимое пятнышко, и Торак все поддразнивал ее, спрашивая, не прилипло ли ей к губам семечко березы и почему она не смахнет его. Сейчас он и подумать не мог о таких подтруниваниях. Никогда еще у него не было так скверно на душе.

– Ренн, – сказал он, – ты должна мне поверить. Я не Пожиратель Душ, клянусь!

– Ну естественно! Никакой ты не Пожиратель!

Торак судорожно вздохнул, но все же осмелился спросить:

– Значит... ты могла бы меня простить?

Некоторое время Ренн сосредоточенно ковыряла старую болячку на локте, затем коротко кивнула.

Тораку сразу стало значительно легче.

– Честно говоря, я уж и не надеялся.

Она, продолжая ковырять болячку, сказала каким-то странным тоном:

– У каждого из нас есть какая-нибудь тайна, Торак...

– Но не такая, как у меня.

– Да, – подтвердила она все тем же необычным тоном, – не такая.

И очень удивила Торака, спросив, кто именно из Пожирателей Душ сделал ему эту татуировку.

– Сешру... А что?

Она сковырнула болячку, но продолжала упорно скрести ногтями свежую розовую кожу, только что образовавшуюся под корочкой болячки.

– А где в это время были остальные?

Торак сглотнул мешавший дышать комок. Потом ответил:

– Тиаци держал меня. Повелительница Летучих Мышей просто смотрела. А Эостра... – Он вздрогнул, вспомнив ужасную маску Повелительницы Филинов. – Эостры я вообще не видел. Но филин там точно был – сидел на вершине ледяной горы и следил за нами...

Ему вдруг показалось, что он снова вернулся в насквозь промерзшую тьму Дальнего Севера. Вновь ощутил мощную хватку Повелителя Дубов. Вновь увидел громоздкий сгорбленный силуэт Повелительницы Летучих Мышей, стоявшей на страже. Вновь поодаль яростно сверкнули оранжевые глазищи самого крупного в мире филина. И снова звездное небо над ним заслонило лицо Сешру, Повелительницы Змей, и глаза ее были темно-синими, как полуночное небо, а ее черные, красивого изгиба губы шевелились, произнося ему приговор. Сешру ловко и быстро, укол за уколом, наносила костяной иглой ему на грудь символ трезубца, загрязняя его плоть, кровь и душу кровью убитых Охотников. «Эта метка будет вечно терзать тебя, точно острие гарпуна, застрявшее у тюленя под шкурой... Одно движение – и мы направим тебя туда, куда нужно нам...»

– Торак! – окликнула его Ренн.

Он встрепенулся, отогнал страшные воспоминания и вновь вернулся к реальной действительности.

– Что ты теперь собираешься делать? – спросила Ренн.

– То, что следовало бы сделать с самого начала, – вырезать эту проклятую метку! Расскажи, как нужно совершить этот обряд, и я...

– Нет! – тут же, не колеблясь, заявила она.

– Ренн, тебе придется рассказать мне.

– Нет! Ты все равно не сможешь сам это сделать. Ты не владеешь магией.

– И все-таки я попробую.

– Хорошо. Тогда я тебе помогу.

– Нет. Тебе нельзя. Если ты станешь мне помогать, тебя тоже будут считать изгнанником.

– Мне все равно.

– А мне не все равно!

Ренн поджала губы. Она всегда отличалась редкостным упрямством.

Как, впрочем, и он сам.

– Ренн, послушай меня. Ты же знаешь, что не так давно Пожиратели Душ уже один раз взяли в плен моего Волка. Из-за меня. А потом чуть не убили его – тоже из-за меня. Я поэтому и не стал тогда звать его на помощь, иначе он, конечно же, сразу же бросился бы меня защищать и пострадал бы. Из-за меня. А если из-за меня пострадаешь ты... – Он не договорил. – Нет, ты должна поклясться, поклясться своим луком и всеми своими тремя душами, что, если меня изгонят из племени, ты не станешь даже пытаться помочь мне!

На поляне послышался шум, и Торак увидел сгорбленную фигуру колдуньи Саеунн, которая, прихрамывая и подпрыгивая, направлялась прямо к его жилищу.

– Ренн! – яростно прошипел Торак. – Поклянись! Поклянись ради меня!

Ренн гордо вскинула голову, и в ее темных глазах мигнули два крошечных язычка пламени.

– Нет, – только и сказала она в ответ.

\* \* \*

– Племена в сборе, – прокаркала Саеунн. – Старейшины приняли решение. Ренн, немедленно уходи отсюда. – (Ренн, не отвечая и не опуская головы, молча смотрела на нее.) – Уходи немедленно!

Ренн с тем же вызывающим видом повернулась к Тораку.

– Как я сказала, так и сделаю! – заявила она и ушла.

А Саеунн велела Тораку собирать свои пожитки. Сама она осталась ждать у входа в жилище, с силой опираясь о посох скрюченной рукой, более всего похожей на лапу хищной птицы. Ее глубоко запавшие глаза без малейшего сочувствия следили за мальчиком. За свою долгую жизнь она столько раз заглядывала в мир мертвых и духов, что отвыкла от простых чувств, свойственных живым людям.

– Спальный мешок оставь, – проскрипела она.

– Но почему? – удивился Торак.

– Изгнанник – это все равно что мертвый.

У Торака даже под ложечкой засосало. Все-таки он до последнего момента цеплялся за слабую надежду, что Фин-Кединн сумеет его спасти...

Пошел дождь, крупные капли застучали по кровле из оленьих шкур, заставили дымиться костер. Торак поднял с пола мешок с пожитками и огляделся. Как часто это жилище казалось ему ненавистным! Сначала он никак не мог привыкнуть к тому, что люди Ворона с удовольствием живут на одном месте по три-четыре месяца подряд, а не меняют стоянку каждые несколько дней, как это делали они с отцом. А теперь ему трудно было даже представить, что сейчас он уйдет отсюда и назад уже никогда не вернется.

– Пора, – сказала Саеунн.

И он последовал за ней на поляну.

Представители племен собрались у огромного костра, – собственно, источником пламени был целый ствол дерева, так называемый долгий костер. До вечера было еще далеко, однако из-за сгустившихся туч казалось, что уже наступили сумерки. Торак был даже рад дождю. Пусть люди думают, что он дрожит от холода, а не от страха.

Толпа расступилась, давая им пройти. Торак словно в тумане видел лица стоявших вокруг людей, освещенные пламенем костра. Здесь собрались представители племен Ворона, Ивы, Гадюки, Кабана, но не было никого из горных, северных или морских племен, никого из племен Сердца Леса. Это дело касалось только племен, обитающих в Открытом Лесу. Интересно, подумал Торак, когда до сородичей его матери из племени Тюленя дойдет весть о том, что с ним произошло, как поведет себя Бейл?

Аки устроился в самом переднем ряду. Ему удалось как-то отчиститься от сосновой смолы, но кожа теперь у него была красная и даже какая-то пятнистая, а волосы пришлось срезать совсем коротко – они теперь здорово походили на кабанью щетину. На поясе у Аки висели два метательных топора, а на бедре – рог из бересты. Физиономию украшала победоносная ухмылка. Уж он-то точно зря времени терять не станет, когда будет охотиться на изгнанника!

Дождь шипел, попадая в костер; капли стекали с бесстрастно наблюдавших за всем деревьев. И по щекам Ренн тоже ручейками стекала дождевая вода, словно слезы, только это никак не могли быть слезы: ведь Ренн никогда не плачет!

Фин-Кединн ждал у огня вместе с остальными старейшинами племен. Лицо его казалось совершенно бесстрастным. На Торака он не смотрел.

Саеунн подскочила к Фин-Кединну и тут же повернулась к собравшимся.

– Я самая старшая в Открытом Лесу, – начала она, – и буду говорить от имени всех племен. – Она помолчала немного. – У этого мальчика на груди метка Пожирателей Душ. Закон в данном случае говорит одно: он должен стать изгнанником.

– Ах! – выдохнула толпа.

У Торака подкосились ноги.

– Погодите! – раздался мужской голос откуда-то с края поляны.

Все головы дружно повернулись в ту сторону.

И Торак увидел, как в круг света, отбрасываемого костром, заступил высокий человек. Длинные черные волосы, мокрые от дождя, плотно облепили его голову, и только от висков к макушке тянулись две светлые выбритые полоски. Глаза незнакомца как-то странно отсвечивали желтым, однако его скуластое лицо показалось Тораку знакомым.

Затем он разглядел его племенную татуировку, и по спине у него поползли мурашки. Две пунктирные линии на скулах – в точности как и у него самого! И на левой стороне его парки виднелся клочок мокрой серой волчьей шерсти!

Аки тоже все это заметил и поспешно выкрикнул:

– Нет! Теперь уже ничего изменить нельзя! Старейшины сказали свое слово!

Высокий мужчина только мельком взглянул на него – и Аки тут же растерянно умолк и быстро попятился, скрываясь среди толпы.

– Кто ты? – спросил Торак.

Незнакомец повернулся и посмотрел на него в упор:

– Я Махиган. Вождь племени Волка.

## Глава 3



Они вынырнули из чащи беззвучно, как стая волков. Их было довольно много: женщины, мужчины, дети, и все в неприметной одежде из шкур северного оленя, помогавшей им как бы растворяться в лесной чаще. На шее у каждого поблескивал амулет из необработанного янтаря; у всех, как и у вождя Махигана, виски были выбриты и кожа на них подкрашена «кровью земли» – охрой. В отблесках костра было заметно, что белки глаз у них желтоватые, как у волков.

Вождь Махиган, похоже, был знаком с Фин-Кединном; он издали кивнул ему в знак приветствия, но не улыбнулся и не прижал кулаки к груди в знак дружеского расположения, как это делается обычно. Тораку этот человек вообще казался удивительно похожим на вожака волчьей стаи, когда тот неторопливо, с достоинством оценивает чужака.

Соплеменники Махигана здоровались точно так же – легким поклоном издали; лишь одна женщина приветливо и радостно улыбнулась Фин-Кединну и от этой улыбки сразу будто помолодела. Вождь племени Ворона ответил ей такой же радостной улыбкой и даже прижал к сердцу руки и низко поклонился ей. Торак вспомнил, что когда-то давно Фин-Кединна отдавали на воспитание в племя Волка.

– Мы нашли твой камень-послание, – сказал Махиган, обращаясь к Фин-Кединну. – Зачем ты звал нас? Да еще на столь многолюдное собрание?

– Мне было очень нужно, чтобы вы пришли, – спокойно ответил Фин-Кединн.

Махиган выпрямился в полный рост и внимательно посмотрел на него. Но Фин-Кединн глаз не отвел. Первым сдался вождь племени Волка; его желтоватые глаза скользнули по клочку волчьей шерсти на куртке Торака, затем снова остановились на Фин-Кединне.

– Кто это?

– Сын вашего колдуна. Того, что называл себя когда-то Повелителем Волков.

Люди из племени Волка дружно охнули. Кое-кто поспешно схватился за свой амулет, а некоторые замахали на Торака руками, сложив пальцы уже известным ему образом, отгоняя этим жестом зло.

– Тот, о ком ты говоришь, – сказал Махиган, – был величайшим из колдунов племени Волка. Только он умел – хотя и всего на несколько мгновений – превращаться в волка. Но он оказался Пожирателем Душ, и это из-за него, – вождь коснулся своего выбритого виска, – мы носим этот знак вечного позора.

Этого Торак вынести уже не смог.

– Какого еще позора?! – выкрикнул он. – Мой отец расколол огненный опал! Он сломил мощь Пожирателей Душ! Неужели вам этого мало? Неужели даже этим он не искупил свои грехи перед вами?

Но Махиган, словно не слыша его, снова обратился к Фин-Кединну:

– Так все-таки зачем ты призвал нас, вождь племени Ворона?

И Фин-Кединн вкратце рассказал ему, как Торак был принят в его племя и почему теперь необходимо, чтобы за него поручилось именно племя Волка. В качестве доказательства того, что Торак именно тот, за кого себя выдает, он предъявил Махигану рожок с целебными снадобьями, доставшийся Тораку от матери, и нож из голубого сланца, который подарил ему отец.

Вождь племени Волка слушал молча, но, когда Фин-Кединн протянул ему нож и рожок, отшатнулся с криком:

– Убери! Эти вещи нечистые!

– Неправда! – возмутился Торак. – Отец отдал их мне, когда умирал!

– Торак, довольно, – предупредил его Фин-Кединн. – Помолчи.

И тут вперед вышла та немолодая женщина, что так радостно улыбнулась Фин-Кединну.

– Махиган, – заговорила она, – не требуется никаких доказательств. Достаточно лишь взглянуть в лицо этому мальчику. Клянусь, это его сын. Того колдуна.

Люди Волка затрепетали. И Торак краешком глаза заметил, как Ренн с победоносным видом подняла руку, сжатую в кулак.

– Да, – промолвил Махиган, – это так. И все же... я не могу за него поручиться.

Торак ошарашенно посмотрел на него.

Даже Фин-Кединн, похоже, был потрясен этим ответом.

– Но ты должен! – воскликнул он. – Ведь Торак – твой сородич! – Поскольку вождь племени Волка никак ему не ответил, Фин-Кединн прибавил: – Махиган, я хорошо знаю этого мальчика. Ему поставили метку против его воли. Никакой он не Пожиратель Душ!

Махиган нахмурился:

– Ты неправильно меня понял. Это не мой выбор. Разве я сказал, что не стану за него ручаться? Нет. Я сказал, что не могу. Этот мальчик – сын колдуна племени Волка, это так. Но он не из нашего племени!

Все так и замерли. На мгновение воцарилась полная тишина.

– Да нет, конечно же, я из племени Волка! – выкрикнул Торак. – Моя мать назвала мое племя, когда я родился, как это у всех бывает. А когда мне исполнилось семь, отец сделал мне племенную татуировку!

– Нет, – бесстрастно отмел все его доводы Махиган и, приблизившись к Тораку, указательным пальцем коснулся его щеки.

Торак вздрогнул, почуяв кислотоватый запах мокрой оленьей шкуры, исходивший от вождя племени. Мозолистый палец Махигана скользнул по старому шраму, что пересекал племенную татуировку на левой щеке Торака, и мальчик услышал, как вождь племени Волка тихо, почти шепотом, промолвил:

– Он не из племени Волка. – Желтые глаза Махигана, казалось, насквозь пронзали Торака. – Он вообще не имеет племени...

\* \* \*

Некоторое время царила мертвая тишина. Потом все заговорили в один голос.

– Что ты такое говоришь? – вскричал Торак. – Я из племени Волка! Я всегда принадлежал к этому племени – с той ночи, когда появился на свет!

– Это же просто шрам, – попытался возразить Фин-Кединн, – он ничего не значит.

– Да и как он может не принадлежать ни к какому племени? – воскликнула Ренн. – Человек, не имеющий своего племени? Так не бывает!

– Махиган прав, – проскрипела Саеунн.

Все головы разом повернулись к ней.

– Этот шрам отнюдь не случайность, – заявила она. – Отец мальчика сознательно нанес его, чтобы показать всем, что мальчик не принадлежит к племени Волка.

– Неправда! – взорвался Торак. – И потом, ты-то откуда знаешь?

– От твоего отца, – ответила колдунья. – Однажды во время собрания племен на берегу Моря он нашел меня и отозвал в сторону. – Саеунн не сводила с Торака своего сурового взгляда. – Да ты и сам знаешь, что так оно и есть. Ты ведь был там.

– Неправда... – прошептал Торак. И в то же мгновение понял, что на самом деле Саеунн говорит правду.

Ему было семь лет. Отец оставил его играть с другими детьми, а сам пошел куда-то, сказав, что ему нужно кое с кем встретиться и поговорить, но не захотел сказать с кем. Торак никогда не видел так много людей сразу в одном месте. Он был немного испуган и очень возбужден. Мальчик страшно гордился своей свежей племенной татуировкой, хоть ему и было обидно, что отец замазал татуировку соком морошки, сказав, что пока ее нужно скрыть. В общем, превратил все в игру...

Дождь прекратился, с деревьев печально капала вода. «Не имеет племени», – шептали деревья.

– Как же это возможно? – растерянно спросил Фин-Кединн.

– Только его мать знала ответ на этот вопрос, – ответила Саеунн. – Она успела объявить его не имеющим племени, прежде чем умерла. – Колдунья вдруг с силой ударила о землю посохом. – Впрочем, это не наше дело! Это ничего не меняет! У этого мальчишки нет племени, которое могло бы за него поручиться. И в соответствии с законом он должен быть изгнан.

– Нет! – воскликнула Ренн. – Мне все равно, даже если у него и нет племени! Это несправедливо!

Она выбежала на середину поляны. Пряди ее мокрых волос, прилипшие к шее, были похожи на маленьких красных змеек; лицо пылало от ярости. И Торак вдруг подумал, что сейчас она выглядит, пожалуй, старше своих тринадцати лет, и еще – что она очень красивая.

Саеунн уже открыла рот, чтобы заставить Ренн замолчать, но Фин-Кединн поднял ладонь, позволяя девочке высказаться.

– Вы все знаете Торака. – Ренн изо всех сил старалась заставить всех смотреть прямо на нее. – Ты ведь отлично его знаешь, Тхулл. И ты, Люта, и ты, Сиалот, и Пои, и Этан... – Она по очереди называла имена всех людей Ворона. Затем принялась перечислять тех представителей других племен, которые познакомились с Тораком за последние два года. – Вы все знаете, ЧТО для нас сделал Торак. Он уничтожил того жуткого медведя. Он избавил Лес от страшной болезни. А этой зимой нас могли одолеть злые духи, если бы не он...

Она помолчала, давая людям возможность обдумать ее слова.

– Да, я согласна: он поступил неправильно. Торак скрыл эту татуировку, хоть ему и нанесли ее силой. Ему, конечно же, следовало все нам рассказать. Но участи изгнанника он не заслуживает! Как можете вы, люди Ворона, стоять здесь и потворствовать творящейся несправедливости!

Фин-Кединн провел рукой по своей темно-рыжей бороде, как делал всегда в минуты сильного душевного волнения. Сомнения стали появляться и на лицах кое-кого из присутствующих. Но поколебать Саеунн оказалось невозможно. Она снова ударила о землю своим посохом и воскликнула:

– Закон должно соблюдать! Нарушившего закон необходимо изгнать из племени! – Она резко повернулась к Ренн. – И пусть каждый твердо запомнит: всякий, кто осмелится помочь изгнаннику, тоже станет изгнанником!

Ренн гневно глянула на Саеунн, безмолвно восставая против подобного приговора, но Торак успел перехватить ее взгляд и покачал головой, как бы говоря: «Не надо, ты сделаешь только хуже».

Впоследствии он так и не мог достаточно полно воссоздать картину его дальнейшего изгнания из племени – помнил он лишь отдельные эпизоды, похожие на вспышки молнии во время грозы.

Помнил Ренн со сжатыми кулаками и беспомощно, чуть ли не до ушей поднятыми плечами.

Аки, любовно поглаживающего рукоять топора.

Люту, которая, глотая слезы, всем подносила корзину с речной глиной, предлагая нанести на его щеки Метки Смерти.

– Изгнанник – это все равно что мертвый, – монотонно бубнила Саеунн.

Один за другим члены племени Ворона подходили к Тораку, и каждый брал какую-то часть его имущества и уничтожал ее, а потом обмахивал свои «нечистые» руки еловой веткой, которую тут же бросал в костер, в точности как это происходило бы, если б Торак и впрямь умер.

Тхулл взял рыболовную снасть Торака и закопал ее под деревом.

Люта бросила в костер его кожаный котелок для приготовления пищи.

Дари сделал то же самое с его ложкой, вырезанной из рога зубра.

Этан раздавил ногой его чашку из бересты.

Сиалот и Пои взяли его стрелы и каждую переломили пополам.

Остальные забрали у него бурдюк для воды и зимнюю одежду из шкуры тюленя – из нее он вырос, но хранил как теплую подстилку, когда приходилось спать на земле, – и все эти вещи попросту сожгли.

А Ренн взяла мешочек с целебными травами и аккуратно положила его на угли костра. Она была единственной, кто посмотрел Тораку прямо в глаза, и он знал, что она непременно попросила бы у него прощения, если б могла.

Когда воздух на поляне заполнился вонью горящих шкур, Саеунн велела Тораку лечь на спину и нанесла ему на лоб новую татуировку: знак изгнанника – маленькое черное кольцо, похожее на Метку Смерти.

Потом ему велели встать, он повиновался и стоял в полном одиночестве, лишенный всего своего имущества; ему оставили только лук, три стрелы, отцовский нож, материн рожок с охрой и трутницу. Все эти вещи были обмазаны «кровью земли», словно он действительно умер.

До этого момента Фин-Кединн в обряде участия не принимал, но теперь подошел к Тораку. Рука его немного дрожала, когда он вынимал из ножен свой нож.

И Торак, сдерживая душевный трепет, обхватил себя руками.

Но это оказалось больше, чем он мог себе представить. Не говоря ни слова, вождь племени Ворона срезал с куртки Торака клочок истрепанной волчьей шкуры и кинул его в огонь.

Торак, закусив нижнюю губу, наблюдал, как шкурка почернела и задымилась.

– У изгнанника есть время до рассвета, чтобы уйти отсюда. – Голос Фин-Кединна звучал ровно, однако лихорадочный блеск глаз выдавал то, чего ему стоит это внешнее спокойствие. – До рассвета он имеет право беспрепятственно идти по Лесу, куда ему будет угодно. Но после этого каждый, кто увидит изгнанника или встретит случайно, должен будет убить его. – Вождь помолчал. Потом резко рубанул ладонью воздух, словно что-то отторгая от себя, – это означало изгнание. Приговор вынесен.

Торак неотрывно смотрел на костер, где исчезало последнее свидетельство того, кем он был прежде – Тораком из племени Волка; клочок волчьей шкуры вспыхнул, скорчился и превратился в кучку светящегося пепла, а потом порыв налетевшего ветра развеял его, превратив в ничто.

И вдруг Торак услышал, как в толпе у него за спиной пробежал встревоженный шепот. Он обернулся и с изумлением увидел, что собравшиеся расступались, пропуская кого-то, а Махиган прикладывал руку к груди и низко кланялся. Все остальные люди из его племени также кланялись и прикладывали руки к груди.

Торак не сразу понял, что с ними случилось.

Крупный серый волк, бесшумно ступая, выбежал на поляну. Капли дождя алмазами блестели на его серебристой шерсти, а глаза его были словно янтарь, словно солнечный свет на поверхности чистого ручья.

Собаки мгновенно куда-то удрали. Люди шарахнулись в разные стороны. Все, кроме Ренн, которая утвердительно кивнула Тораку.

Торак упал на колени, и Волк подбежал к нему.

Бывали времена, когда Волк прыгал на Торака и бурно его приветствовал, впадая в подобие экстаза. Он обнимал его лапами, рычал, повизгивал и старался лизнуть в нос, покрывая все лицо влажными волчьими поцелуями. Но сейчас был совсем иной момент. Сегодня вечером Волк снова стал для Торака Провожатым, Наставником, и глаза его светились той таинственной уверенностью, которая порой просыпалась в его звериной душе.

Они потерялись носами, и Торак, быстро заглянув Волку в глаза, сказал ему по-волчьи в знак приветствия: «Брат мой».

Он видел, как застыл Махиган. «Да, – мысленно сказал он вождю племени Волка, – я, может, и не из племени Волка, но я могу то, чего не можете даже вы. Я могу разговаривать с волками».

Он поднялся и вместе с Волком пошел сквозь молчаливую толпу к Лесу. На краю поляны он обернулся и в последний раз посмотрел на тех людей, что изгнали его из своего племени.

– Я, может, и изгнанник, – сказал он им, – у меня, может, и нет племени, но я никакой не Пожиратель Душ. И я найду способ доказать вам это!

\* \* \*

Ночь была сырая, холодная. Торак бежал сквозь лесную чащу, и рядом с ним неумоимо бежал Волк. Они не останавливались, чтобы передохнуть: без спального мешка Торак попросту замерз бы. Лучше было продолжать путь. И потом, бег отвлекал от тяжелых мыслей.

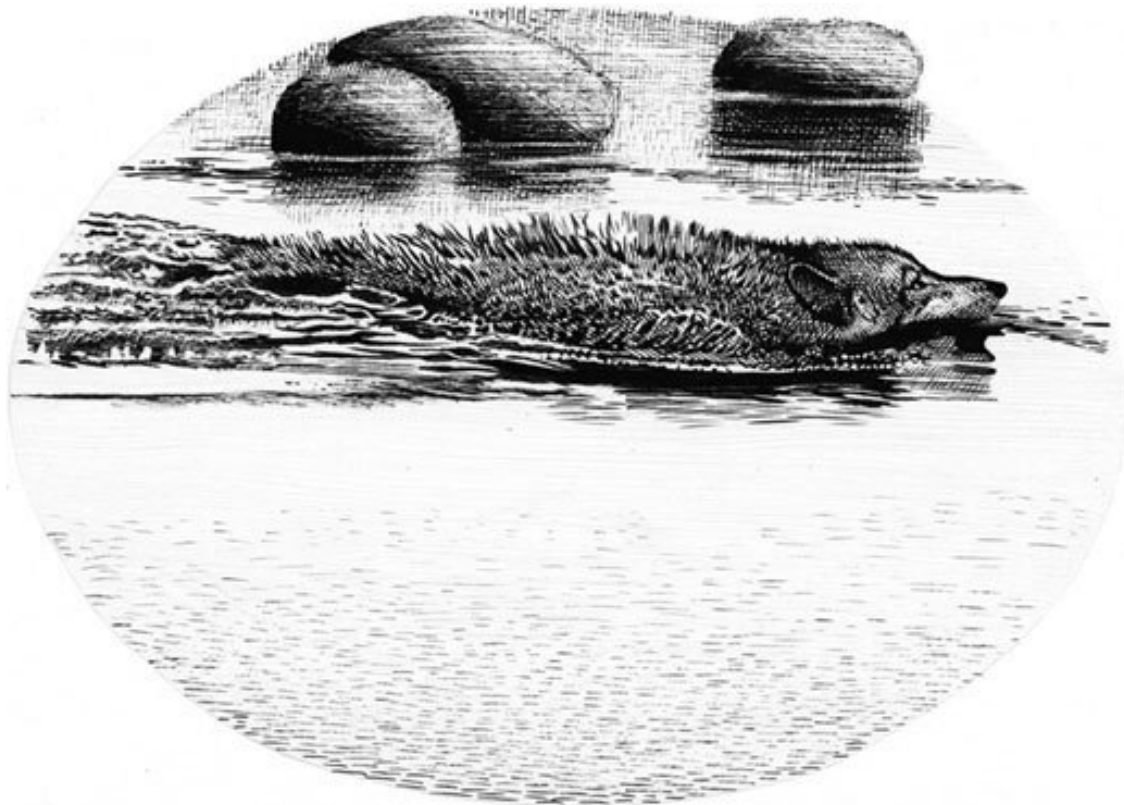
Небо начинало сереть, когда Волк вдруг резко остановился – уши его встали торчком, шерсть на загривке поднялась дыбом. «Уфф, – коротко пролаял он. – Опасность!»

Торак тоже услышал в отдалении вой берестяных рожков и лай собак.

Рука его невольно стиснула рукоять ножа.

Аки явно не терял времени даром!

## Глава 4



Волк, услышав лай собак, лишь презрительно дернул ухом. Куда им его поймать!

А вот нагнать Большого Бесхвостого они, пожалуй, могут.

Как всегда, Большой Брат бежал на задних лапах – не самый лучший способ и очень, к сожалению, медлительный. Волку приходилось то и дело останавливаться и поджидать его. А поскольку у Бесхвостого слух и обоняние тоже были не ахти, он бы и вовсе от собак не ушел, если б не Волк.

Впрочем, Бесхвостый и сам нашел выход из положения – все-таки он был очень умен. Иногда он вел себя даже умнее волков – обычных, разумеется. Так, для начала он сбил собак со следа, проплыв по Быстрой Воде. Затем разбудил того Яркого Зверя, Который Больно Кусается, и весь вымазался золой – лицо, передние лапы, даже свою верхнюю шкуру всю перепачкал. Волку это совсем не понравилось, и он долго чихал и фыркал, но понимал, что сделать это было необходимо.

Жаль только, что Большой Брат не умел достаточно быстро бегать!

Ветер дул им в спину, и они петляли среди деревьев, следуя той неприметной тропой, которую волки проложили давным-давно, когда Лес был еще совсем молодым. Собачий лай постепенно стихал вдали, и Волк поднял хвост, этим жестом давая Большому Брату понять, что их преследователи здорово отстали.

Они продолжали свой бег. Земля постепенно становилась все более каменистой. Когда они поднимались на холм, где бдительные сосны что-то непрерывно шептали им, словно пытаясь ободрить, Большой Бесхвостый поскользнулся, из-под ног у него посыпались камешки, и один камешек угодил Волку прямо в нос. Волк одним прыжком обогнал Бесхвостого, но понял, что слишком много себе позволяет: ему нельзя было вырваться так далеко вперед, потому что именно Большой Брат был в их стае вожаком, и Волк снова немного отстал.

А Бесхвостый сташил с задних лап куски верхней шкуры – которая, вообще-то, принадлежала бобру, – и теперь перед носом у Волка мелькали его голые ступни. Волк много раз видел подобные фокусы, но все же каждый раз испытывал смущение. До чего же все-таки странные были у Большого Бесхвостого лапы! На задних пальцы ужасно короткие, похожие на обрубки и совершенно бесполезные, зато на передних, наоборот, очень длинные, и ими очень удобно за все хвататься. Волк, например, с восхищением наблюдал, как ловко Большой Брат цепляется своими длинными пальцами за ветки можжевельника, поднимаясь вверх по крутому склону.

Но вдруг Большой Бесхвостый исчез.

У Волка даже шерсть встала дыбом от волнения.

И тут он заметил, что его Брат нашел Логово. Оно было скрыто зарослями можжевельника и пахло сосновой куницей и ястребом. Волк неодобрительно рыкнул: «Не здесь». Там, где властвует Большой Холод, те противные бесхвостые как раз в такую ловушку и заманили Волка.

Бесхвостый стоял на четвереньках и дышал с трудом. «Ишь как запыхался, бедный! – подумал Волк. – Если б у него был хвост, он сейчас наверняка бессильно висел бы, как лоскут мертвой шкуры. Как жаль, что бесхвостым нужно так часто отдыхать!»

Затем Волк вспомнил, что и ему, когда он был волчонком, тоже приходилось все время передыхать, а когда он особенно сильно уставал, Большой Брат нес его, прижимая к себе передними лапами.

Волк смутился и, как бы прося прощения за свои мысли, потерся о ногу Большого Брата и лизнул его в ухо. Он чувствовал, что Бесхвостого бьет дрожь. Чувствовал, как терзают его душу боль, гнев и страх, смешанные с чувством одиночества.

Почему все это происходит? Волк ничего не понимал. За много прыжков отсюда злились собаки: не могли отыскать их след. «Где он? Где?» – отчаянно лаяли они. Ветер доносил до Волка запах их злобы, а еще он чуял того молодого бесхвостого, пахнувшего кабаном. Но почему эти бесхвостые и их собаки охотятся на Большого Брата? У его сородичей молодой волк тоже порой покидает прежнюю стаю, чтобы создать свою собственную, но такие случаи совсем не похожи на то, что происходит сейчас. Сейчас творится нечто неправильное, непонятное...

Вожак тех бесхвостых, что пахнут вороном, говорил очень резко. А потом взмахнул своим Длинным Когтем и сорвал кусок волчьего меха с верхней шкуры Большого Брата, хотя Волк знал, как его Брат дорожит этим клочком меха; он всегда был при нем с тех пор, как Волк впервые с ним познакомился. Волк считал, что вожак стаи людей-воронов совершил нечто ужасное. Однако же он явственно чувствовал, что вожак был вынужден так поступить и в глубине души его терзала горькая, мучительная печаль.

А Большая Сестра удивила Волка еще сильнее. Она не только не попыталась помешать вожаку своей стае, но и не пошла вместе с Бесхвостым Братом!

Что бы все это значило?

Внизу, в долине, собаки по-прежнему тщетно метались и лаяли, но Большой Брат, разумеется, их не слышал. Зато у Волка от беспокойства шерсть встала дыбом.

«В чем дело?» – одним взглядом спросил у него Большой Бесхвостый.

Волк посмотрел в любимое, лишенное шерсти лицо. Большой Бесхвостый совсем обессилел и явно не смог бы сделать больше ни одного прыжка. Значит, ему, Волку, придется позаботиться о том, чтобы собаки не нашли Большого Брата.

Ласково ворча и чуть поскуливая, он подтолкнул Большого Брата носом в подбородок, как бы говоря ему: «Прости, но я должен уйти. Не ходи за мной», и, выбежав из Логова, рысью устремился вниз по склону холма.

Волк стрелой пролетел над прибрежными валунами и с плеском пересек Быструю Воду, разгребая ее мощными лапами. Вскарabкавшись на противоположный крутой берег, он хорошенько, почти досуха отряхнулся и снова побежал. Было очень приятно бежать вот так, сво-

бодно, не дожидаясь Большого Бесхвостого. Никакого страха перед собаками Волк не испытывал. По сравнению со взрослым волком любая собака все равно что волчонок.

На бегу Волк замечал некие перемены в Лесу, и эти перемены вызывали в его душе смутное беспокойство. Гадюка скользнула по поверхности Быстрой Воды, высоко держа треугольную голову. В папоротниках застряло перо крупного филина. Раскидистый дуб нашептывал какие-то секреты своей огромной и древней стае. И отчего-то Волк сразу вспомнил о тех противных бесхвостых, которые держали его связанным в тесном, крошечном каменном Логове среди Большого Холода.

«Где? Где?» – лаяли собаки.

Пришлось забыть о противных бесхвостых. Волк, перейдя на шаг, спустился в долину.

Здесь он сразу почуял смешение самых различных запахов. Сквозь деревья он увидел того молодого самца из стаи людей-кабанов: этот бесхвостый сжимал в передней лапе Длинный Коготь, и от него прямо-таки разлило жаждой крови. В другой лапе у него был кусочек серебристой шкуры, от которого исходил слабый запах рыбной собаки, живущей в Большом Холоде, и Бесхвостого Брата; Волк сразу догадался, что это клочок верхней шкуры Большого Бесхвостого.

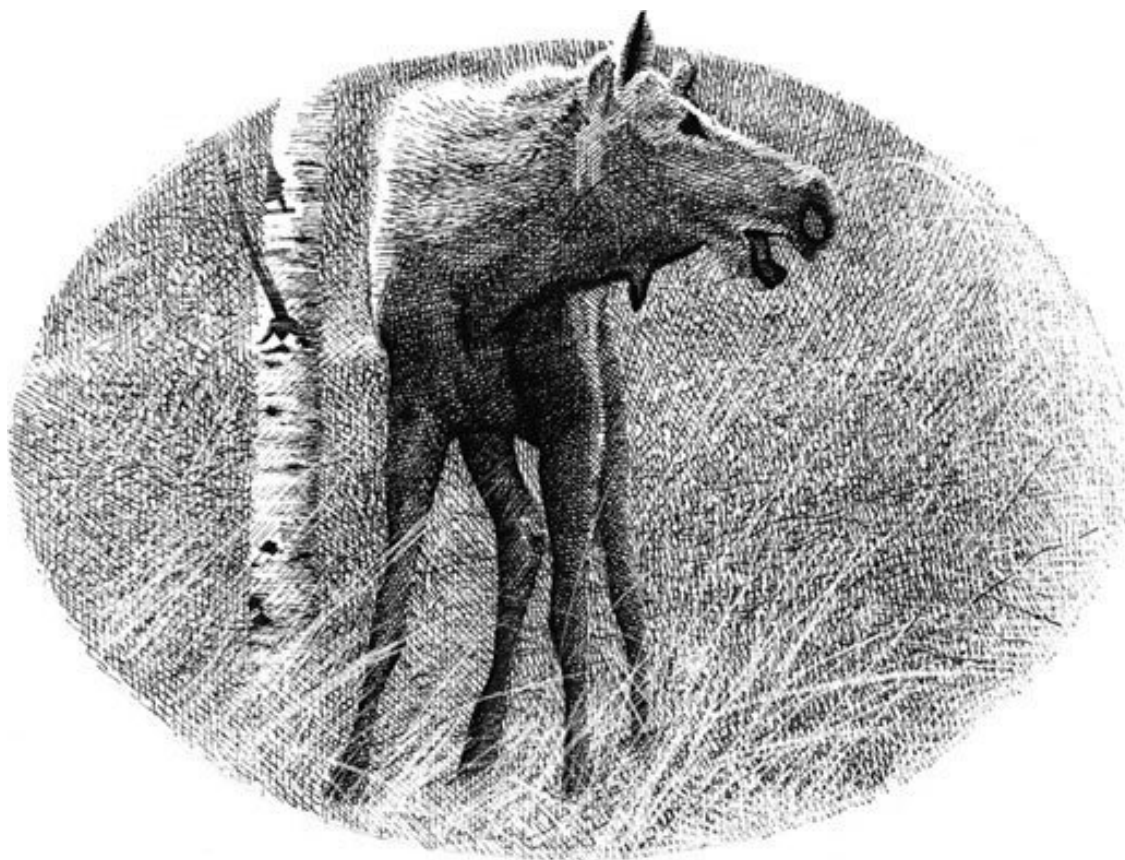
Одна из собак понюхала этот серебристый клочок, запоминая нужный запах.

Теперь Волк все понял. Вот что помогает собакам искать Большого Бесхвостого! Значит, нужно просто отнять у них этот кусок шкуры! Тогда они станут охотиться на него, а уж он-то сумеет увести их подальше от Большого Брата.

У Волка даже когти затвердели от возбуждения. Он чувствовал силу в своих плечах и лапах, и его охватила какая-то свирепая радость, ибо он отлично знал, что способен бежать куда быстрее самой быстрой из собак.

Осторожно, крадучись он стал продвигаться вперед.

## Глава 5



Запах земли и гниения был настолько силен, что Торак больше ничего не чувствовал. Тесная пещерка напоминала Жилища Мертвых на кладбище племени Ворона.

«Не надо об этом думать! Думай о том, чтобы остаться в живых».

Шум, поднятый собаками, совсем стих. Интересно, что там сотворил Волк? Впрочем, что бы он ни сделал, это, похоже, помогло. Хотя Тораку больше всего хотелось, чтобы Волк поскорее к нему вернулся, и он старательно убеждал себя, что четвероногий брат непременно его отыщет, как только позволят обстоятельства.

Едва шевеля окоченевшими ногами, Торак выбрался из своего убежища и стал подниматься вверх по склону. После дождя камни были мокрыми и скользкими. Торак, чтобы не упасть, решил не надевать башмаков и шел босиком, пока ступни совсем не онемели от холода.

Его первоначальный план состоял в том, чтобы проложить фальшивый след от стоянки племени Ворона на север, а затем вернуться по тому же следу и двинуться в противоположном направлении – в сторону южных долин, где они когда-то жили вместе с отцом. Но Аки заставил его описать здоровенную петлю на берегу Зеленой Реки, и сейчас он находился на одной из гор Сломанного Хребта, неподалеку от того места, где когда-то нашел рога благородного оленя, с которых все и началось.

Торак очень устал, все мышцы у него болели, на лбу саднила новая татуировка. Отыскав иву, он быстро пробормотал молитву духу дерева, прося прощения за нанесенный ущерб, и, содрав кусочек коры, тщательно его разжевал и намазал жгучей кашицей рану на лбу; потом отрезал от куртки полоску кожи и перевязал ею лоб. Так и целебная кашка сохранится на ране, и метки изгнанника видно не будет.

Он вдруг вспомнил, что пользовался тем же целебным средством в ту ночь, когда погиб отец. И на мгновение ему показалось, что все случившееся с ним потом – встреча с Волком, знакомство с Ренн и Фин-Кединном – ему просто приснилось. Он снова был совершенно один, снова вынужден был спасаться бегством...

Прогалину впереди сменил густой смешанный лес из дубов, берез и сосен. Вдали блеснула озерная вода. Это было озеро Топора, и Торак знал, что по нему всегда плавают немало лодок, особенно сейчас, в период нереста лосося. Нет, от этого озера лучше держаться подальше.

Стараясь постоянно прятаться в тени или под прикрытием густой травы, Торак стал спускаться с холма сквозь заросли кипрея и крупных папоротников, по пояс высотой. Голова у него немного кружилась от голода, но еды не было ни крошки. У него даже топора теперь не было, а стрел имелось всего три. Торак понимал, что нужно как-то исхитриться и добыть себе пропитание, прежде чем он совсем ослабеет и не сможет бежать, а потом поскорее отыскать какую-нибудь потайную долину, где он смог бы прожить и один. Там он постарается избавиться от проклятой метки Пожирателей Душ, и тогда лесные племена примут его обратно.

Слишком много задач. Ему никогда их все не решить.

И тут Торак вспомнил один свой разговор с Фин-Кединном. Это было в прошлом месяце; они заготавливали лыко, собираясь плести рыболовную сеть. День был такой же холодный, как сегодня. Торак смотрел на охапку тонких ивовых веток, лежавшую на земле, и удивлялся про себя: как это им удастся превратить ветки в сеть?

«Не думай о сети, – посоветовал ему Фин-Кединн. – Возьми одну ветку и обдери с нее кору. На это ты ведь вполне способен, правда?»

«Конечно!» – Сдирать с молодых деревьев кору Торак научился раньше, чем держать в руках нож.

«Тогда действуй, – сказал Фин-Кединн. – Шаг за шагом. Обдирай ветки одну за другой, а о будущей сети даже не думай».

И Торак, словно вновь услышав голос Фин-Кединна и чувствуя, что от дождя уже насквозь промокла даже его прочная куртка из оленьей шкуры, согласно кивнул. Да, именно так: шаг за шагом. Сперва еда. Потом убежище. Да. А все остальное оставим до завтра.

Он отыскал след лося, который, извиваясь, тянулся через всю долину на восток по самому краю Леса. Дождь прекратился. Выглянуло солнце.

Преследуя лося, Торак думал о том, что, хотя племя Ворона для него и потеряно, Лес-то по-прежнему с ним.

– Лес, – тихо сказал он, – я всегда почитал тебя. Помоги же мне выжить!

Лес стряхнул капли дождя со своих ветвей и велел ему оглядеться.

И тут же возле лосиной тропы Торак заметил кривоватую крепкую березу с еще не полностью распустившейся листвой. Бодрящий березовый сок даст ему возможность быстро утолить и жажду, и голод. Почему же ему раньше-то это в голову не пришло?

Попросив у дерева разрешения, Торак сделал ножом неглубокий надрез в коре у самого основания ствола, и из раны тут же выступила древесная кровь. Он воткнул в отверстие веточку, чтобы сок мог стекать по ней, и подставил свернутый из бересты конус.

Пока в берестяном сосуде собирался березовый сок, Торак отыскал подходящую палку-копалку и с ее помощью извлек из земли несколько луковиц дикого чеснока. Одну луковицу он сунул в развилку березы для Хранителя племени, а остальные съел. От острого чесночного вкуса защипало глаза, даже слезы выступили, зато сразу стало немного теплее.

Затем Торак выкопал несколько корней окопника – довольно липких и едких на вкус, – а потом в болотистом бочажке обнаружил и самое лучшее – кустик пятнистой орхидеи. Корни этого растения были такими крахмалистыми, что у Торака все слипалось внутри, однако он

прекрасно знал, что корни пятнистой орхидеи – самая питательная еда в Лесу, когда не удастся раздобыть ни мяса, ни рыбы.

А тут как раз и его берестяной сосуд наполнился до краев. Поблагодарив духа березы и приложив кусок коры к ране на стволе дерева, он с наслаждением напился. Березовый сок, прохладный и сладковатый, был удивительно приятным на вкус. И Тораку казалось, что в него вливается сила самого Леса.

Поев, он почувствовал прилив сил и сказал себе: «Я справлюсь! Я сделаю себе стрелы из веток кизила, закалив острия на огне. Я сплету силки из стеблей кипрея, сделаю крючки из колючек терновника и наловлю рыбы. Лес поможет мне!»

В центре долины он оказался уже после полудня. Опавшие листья устилали здесь землю толстым слоем, и Торак с трудом пробирался по этой глубокой слежавшейся подстилке, едва волоча усталые ноги. Уверенность его в своих силах несколько ослабла. Надо было передохнуть.

Но как, не имея топора, построить себе шалаш? И снова Лес помог Тораку. На глаза ему попала сломанная бурей береза, верхняя часть которой упала на большой валун. Это могло послужить прекрасной основой для шалаша. Оставалось только обложить эту основу ветками с обеих сторон, а сверху засыпать старой листвой. И место было вполне подходящее: рядом густые ивовые заросли, где в случае необходимости тоже можно было укрыться.

Становилось все холоднее, но Торак не мог рисковать, так что костер он все-таки разжигать не стал, а напихал под куртку, в штаны и в башмаки побольше сухой травы. Она страшно колочась, и вскоре все тело стало чесаться, особенно когда в траве проснулись отогревшиеся жучки и паучки, зато Тораку сразу стало значительно теплее.

Он, точно барсук, натаскал в свое убежище целую кучу прошлогодних листьев и зарылся в эту кучу, наслаждаясь их острым древесным запахом. Затем прошептал Лесу благодарственную молитву и закрыл глаза. Он был до крайности изможден.

Но уснуть так и не смог.

Сразу ожили те мысли, которые он гнал от себя почти целые сутки. Мысли эти были точно колючки, запутавшиеся в густой волчьей шерсти, – не вытащишь.

Изгнанник. Человек без роду без племени.

Как же это могло случиться?

Он подумал о той луковичке дикого чеснока, которую сунул в развилку дерева для Хранителя племени Ворона. Но если у него нет племени, то нет и Хранителя. Нет Хранителя. Торак даже задохнулся от ужаса при мысли об этом. Разве можно выжить, не имея Хранителя?

Пальцы его сами собой ощупали шрам, пересекавший его племенную татуировку. Он даже и не помнил, когда получил этот шрам; шрамы – дело обычное, чего о них беспокоиться, они бывают у всех. У него, например, большой шрам на предплечье – след той ночи, когда на них напал медведь; а еще один на голени – этот оставили кабаньи клыки. А у Ренн страшный шрам на руке, где ее укусил токорот, и на ноге, которую она рассекла осколком кремня, когда ей всего года три было. У Фин-Кединна вообще шрамов множество; он их получил на охоте и еще мальчишкой в драках, а огромный неровный шрам у него на бедре оставлен когтями того заколдованного медведя.

Торак нахмурился и закопался поглубже в кучу листьев. «Не думай о племени Ворона! Думай об отце и о том, почему он никогда ничего тебе не рассказывал. Думай о матери и о том, почему она объявила тебя не имеющим племени».

Порыв ветра закачал ивы, и они застонали. В отдалении слышался весьма немелодичный рев молодого лося, брошенного матерью. Ранней весной весь Лес звенел от жалобных криков этих лосят-подростков. Лосихи, будучи не в состоянии заботиться и о своих прошлогодних детенышах, всю заботу отдавали новорожденным лосятам, а старших, безжалостно лягаясь, гнали от себя прочь. Обычно месяц, а то и два такой брошенный лосенок скитался поблизо-

сти от матери, пытаясь искать утешения у любого взрослого существа, попадающегося ему навстречу; но, если его не убивал кто-то из Охотников, в итоге все же приучался заботиться о себе сам.

«Мне нужна моя мать!» – ревел молодой лось.

Торак даже зажмурился, так ему стало горько.

Он не помнил своей матери, но постоянно думал о ней; эти мысли были для него словно зернышко тепла даже в самые холодные и мрачные времена. Он всегда любил ее – почти бессознательно, не задумываясь о причине этого. И всегда верил, что она тоже его любила. Любила – и все же объявила его не имеющим племени!

И от этого ему казалось, что мать его бросила...

«Куда же мне теперь идти? – думал Торак. – Где мой родной дом?»

И, качаясь под порывами ветра, ивы ответили ему: «Твой дом здесь. В Лесу».

И он, слушая их, наконец уснул.

\* \* \*

Торак внезапно проснулся, как будто бы от толчка.

Голоса. Прямо над ним, на склоне.

Торак продолжал лежать, но все его тело было напряжено, сердце бешено стучало в груди. Но ведь если бы эти люди охотились, они вряд ли стали бы так громко разговаривать, верно?

Торак осторожно выполз из своего убежища, вскинул на плечо лук и колчан со стрелами и, стараясь действовать как можно тише, разрушил свой шалаш и посыпал все вокруг травой дикого чеснока, чтобы отбить свой запах. А сам быстренько нырнул в заросли ивняка. Близился вечер, тени стали длиннее, но первые звезды еще не появились. Значит, проспал он совсем немного.

Судя по голосам, люди, направлявшиеся к его убежищу, остановились шагах в пятидесяти выше по склону. Сквозь ветки Торак сумел их рассмотреть: это были охотники из племени Гадюки; они пришли сюда по той же лосиной тропе, по которой шел и он сам. Никаких собак с ними не было. Ну что ж, это уже хорошо. Да и следы свои он вроде бы вполне прилично замел. Или нет?

Впрочем, среди охотников оказались люди не только из племени Гадюки. Похоже, они где-то неподалеку встретились еще и с людьми из племени Ворона. Там, кроме прочих, были Тхулл, Сиалот, Фин-Кединн. И Ренн.

Тораку было очень неприятно подглядывать за ними. Словно он какой-то чужак, с неизвестными целями забредший в эти края! Но подойти к ним он не мог. Не имел права. Тоскливое, болезненное чувство охватило его.

Он видел, что молодые охотники из племени Гадюки почтительно ждут, что скажет Фин-Кединн, и после его слов каждый раз с довольным видом переглядываются: он явно хвалил убитого ими оленя. А двое мальчишек из того же племени Гадюки застенчиво поглядывали на Ренн, которая, делая вид, что не замечает этого, преспокойно продолжала полировать свой лук горстью измельченной ореховой скорлупы.

Торак прислушался: речь шла об Аки.

– Его проклятые псы чуть всю охоту нам не испортили! – жаловался охотник из племени Гадюки. – Если так будет и дальше...

– Не будет, – прервал его Фин-Кединн. – Аки никогда Торака не поймает.

– А все-таки продолжает ловить! – заметил тот же охотник. – И его собаки дичь распушивают. Чем раньше ваш изгнанник покинет эти горы, тем лучше!

– Э, да его наверняка уж и след простыл! – громко сказал Фин-Кединн; каждое его слово было отчетливо слышно в тихом вечернем воздухе. – Он же не дурак и не станет болтаться поблизости от тех мест, где вот-вот состоится собрание племен.

Собрание племен. Торак совершенно позабыл о великом собрании племен, которое устраивали каждые три года. Этим летом оно должно было состояться в устье реки Белая Вода; до тех мест отсюда дня два пути.

Охотники распрощались и пошли каждый своей дорогой: люди Гадюки – на юг, к своей стоянке на берегу Широкой Воды, а люди Ворона – на запад.

«Не уходите!» – безмолвно молил Торак, глядя, как широкоплечий вождь племени Ворона вместе со своей племянницей исчезает в лесной чаще. Внутри у него возникла какая-то странная пустота. Он, казалось, даже шевельнуться не мог, все смотрел и смотрел им вслед, пока не заболели глаза...

После их ухода прошло уже довольно много времени, но Торак так и продолжал сидеть без движения в зарослях ивняка. Вокруг сгустилась ночная тьма.

Хрустнула ветка.

Торак застыл.

Снова хрустнула ветка. Громче. Решительней.

– Это я! – прошептала Ренн. – Ты где?

Торак зажмурился. Нет, нельзя ей отвечать! Он и на нее навлечет беду!

– Торак! – Теперь голос Ренн звучал скорее сердито, чем испуганно. – Я же знаю, что ты здесь прячешься! Ты оставил на тропе кусок ивовой коры... Ты ведь жевал кору, чтобы на рану положить? Хорошо еще, что я успела этот кусок подобрать, пока остальные не заметили!

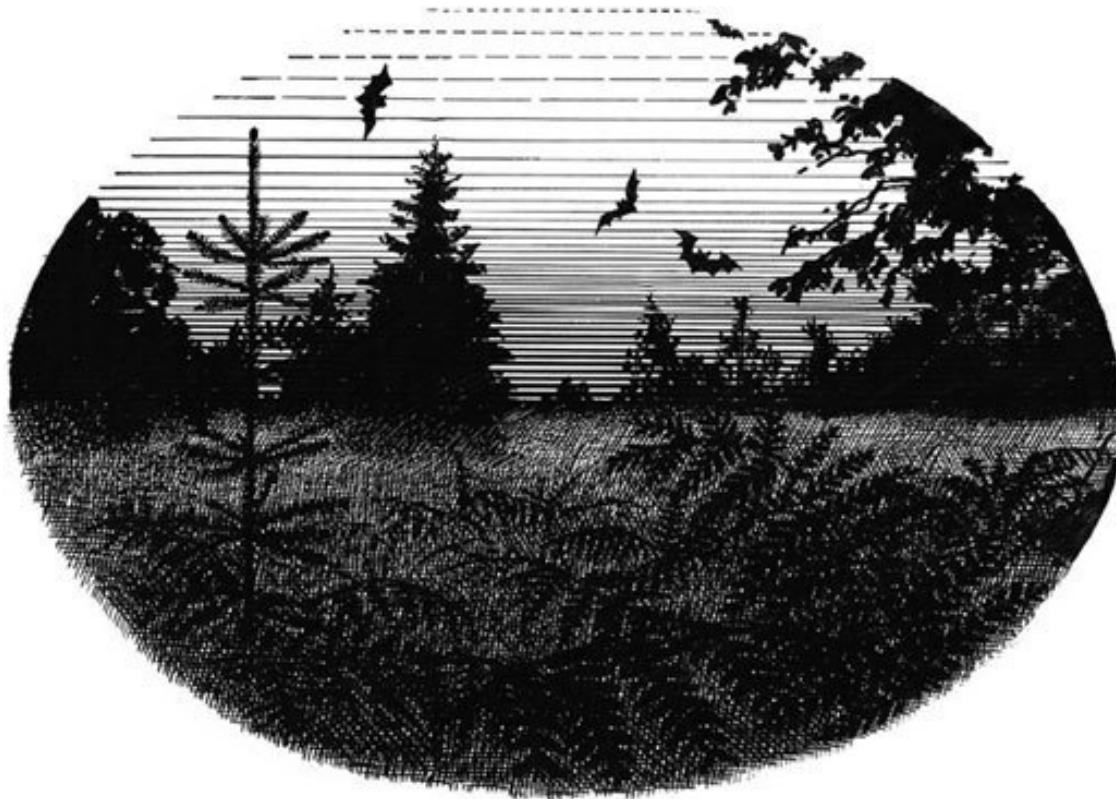
Ох, до чего же он сейчас ненавидел и себя, и собственное молчание!

– Ах так! Ну хорошо, – выдохнула Ренн. – Но если ты все-таки передумаешь, я тебе скажу кое-что весьма важное.

Она помолчала, пошуршала листьями и сказала:

– Я принесла все необходимое, чтобы избавиться от этой проклятой татуировки. Я, собственно, для того и пришла – чтобы объяснить тебе, как это сделать. – Она снова немного помолчала. – Ну и ладно! Если ты немедленно не вылезешь, я ничего больше не скажу!

## Глава 6



– Зачем ты сюда явилась? – сердито прошипел Торак, втаскивая Ренн в заросли. – А если тебя кто-то выследит?

– Не выследит, – уверенно заявила она, хотя сама, если честно, отнюдь не была так уж в этом уверена. – Держи. Я принесла тебе немного еды и спальный мешок, а вот топор украсть мне не удалось. Придется тебе...

– Ренн, не надо. Тебе нельзя в это вмешиваться!

– Я уже вмешалась. Съешь лучше лепешку из лосося.

Торак даже не пошевелился, и она снова рассердилась:

– Ну раз ты не хочешь, я эту лепешку тут оставлю, пусть ее другие едят!

Это подействовало. Торак выхватил у нее вкусную лепешку и со свирепой сосредоточенностью в один миг уничтожил ее. Ренн молчала, скорчившись с ним рядом в темных зарослях, где пахло кислой влажной землей. «Интересно, когда он ел в последний раз?» – думала она.

– Лепешек я тебе довольно много принесла, – с удовольствием сообщила она. – И еще кровяную колбасу, и вяленый язык зубра, и мешочек орехов! Тут, наверное, на полмесяца хватит, если понемножку расходовать.

Она отлично понимала, что слишком много болтает. Но Торак казался ей каким-то... другим. Каким-то чужим. И эта повязка на лбу делала его старше, и было какое-то особое напряжение в его лице, и он все время озирался, словно в любой момент из темноты мог выскочить охотник.

И она подумала: «Так вот что такое быть дичью!»

Но вслух спросила, где Волк, и Торак сказал ей, что Волк убежал, чтобы сбить Аки со следа. А потом он спросил, как ей удалось уйти от Фин-Кединна. Ренн рассказала, что повернула назад якобы для того, чтобы проверить ловушки, а потом забрала припрятанные заранее

припасы и подстрелила лесного голубя – его она собиралась принести на стоянку в доказательство того, что ловушки действительно проверила. Ренн, разумеется, не стала рассказывать Тораку о том, как тяжело ей было врать Фин-Кединну и как он смотрел на нее, когда догадался, что она собирается сделать. В его глазах была такая боль!

– Он ведь догадался, что я здесь, верно? – спросил Торак. – Когда говорил о собрании племен. Он ведь меня предупреждал.

– Да, я тоже так думаю. Наверное, догадался.

Ренн протянула ему еще одну лепешку из лососины, да и сама за компанию съела парочку орехов. Помолчав, она сказала:

– Знаешь, я все пыталась понять, как все это случилось. И эти рога благородного оленя, которые ты нашел, и эта почти стертая метка Аки на них... По-моему, кто-то нарочно все подстроил. Кто-то очень хотел, чтобы тебя изгнали.

Торак быстро на нее глянул и прошептал:

– Пожиратели Душ!

Ренн кивнула:

– Я тоже так думаю. Они теперь, наверное, уже где-то на юге. Им известно, что у тебя блуждающая душа, и ты им нужен. Точнее, твоя сила.

– А еще им нужен последний осколок огненного опала.

– Это точно – где бы он ни был.

В темно-синей ночи перекликались молодые совы, бесшумно скользя меж деревьев над зарослями папоротника; слегка потрескивая крыльями, металась летучие мыши.

Торак вытер рот тыльной стороной ладони и сказал:

– Прости меня, Ренн.

– За что?

– За все. За то, что не сказал тебе об этой метке. Если б я сказал тебе... Но мне все время казалось, что момент неподходящий...

Ренн, чувствуя комок в горле, тихо сказала:

– Ничего. Я знаю, как это бывает. О таких вещах всегда говорить нелегко. О своих сокровенных тайнах.

– Да. В общем, ты меня прости.

Поев, Торак вскинул скатанный спальный мешок на спину, повесил на плечо лук и колчан, а Ренн быстро снова упаковала принесенные ею припасы и положила кусок рыбной лепешки в развилку ивы для Хранителя племени. Но, сделав это, сразу же пожалела о содеянном: надо было немного подождать, чтобы Торак ничего не увидел. Он, впрочем, сразу все понял и сказал, что ничего не имеет против, однако Ренн была уверена, что на самом деле ему это далеко не безразлично.

– Странно получается, – сказал он. – Я всю жизнь оставлял часть добычи для своего Хранителя. А его, оказывается, у меня и не было.

– Ну и что? Ты все равно приносил это... в дар Лесу.

– Наверное, ты права. – Торак помолчал. – Но как же это возможно, Ренн? Разве может человек не принадлежать ни к какому племени?

– Не знаю.

– У меня есть племенная душа, и я вполне могу отличить правильное от неправильного. Как же это так получилось?

Ренн покачала головой:

– Я и сама не понимаю. Саеунн говорит, что раньше такого не бывало; никто никогда не считался лишенным племени.

Эти ее слова явно потрясли Торака до глубины души, и она страшно на себя рассердилась. «Ах как это умно с твоей стороны, Ренн! Вот уж ты помогла своему другу! Вот уж подбодрила его!» – ругала она себя.

– Если честно, – поспешно прибавила она, – мне бы, например, не хотелось породниться с этими людьми из племени Волка. У них такие страшные желтые глаза... – Она даже вздрогнула. – Я спросила их колдунью, как, мол, они это делают, и она призналась, что кое-что добавляет в питьевую воду. А однажды она ошиблась, и глаза у всех стали розовыми... – Ренн закусила губу. – Да нет, это я выдумываю! Это просто шутка, Торак.

Он ответил ей вымученной улыбкой, и Ренн до боли в сердце стало жаль его.

– Но если я не принадлежу к племени Волка, – сказал он, словно продолжая некую свою мысль, – то кто же я такой?

Ренн даже дыхание затаила. Но, взяв себя в руки, бодро ответила:

– Ты – Большой Брат нашего Волка. Ты – мой друг. И уж это-то навсегда останется неизменным.

Торак моргнул. Провел ладонью по лицу. Вскинул на плечо узелок с едой и как-то странно откашлялся.

– Фин-Кединн уже, наверное, волнуется, куда ты пропала. Ты сказала, что знаешь, как совершить этот обряд?

– Да, – с трудом вымолвила Ренн.

Торак, почувствовав в ее голосе неуверенность, переспросил:

– Ты уверена, что знаешь?

– Да, – повторила она.

На самом деле ей пришлось составлять представление об этом обряде по кускам. Кое-что она, конечно, подсмотрела украдкой у Саеунн; кое-что знала по рассказам, но полностью уверенной в своих познаниях не была. Впрочем, Тораку об этом знать было совершенно ни к чему!

Рассказ о самой процедуре много времени не занял. Но обоим стало не по себе, когда Ренн добралась до части повествования, где речь шла о том, как именно следует вырезать нанесенную татуировку.

– Вот, – дрожащим голосом сказала она, отвязывая от пояса свой мешочек с целебными травами. Мешочек был сделан из кожи, целиком снятой с лебединой лапки, там даже когти остались. – Здесь есть почти все, что тебе понадобится.

Торак взял мешочек и уставился на него.

– Ты должен дождаться полнолуния, – продолжала Ренн. – А до того момента тебе придется отыскать какое-нибудь безопасное убежище, где ты мог бы спрятаться.

– Безопасное?

– Ну, более безопасное, чем все прочие. Давай лучше договоримся, где будем встречаться.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Нам нужно встретиться во время полнолуния. Для совершения обряда.

– Ну уж нет! – возразил Торак.

Ренн растерялась: вид у Торака был на редкость упрямый. Точно такой же вид был у Волка, когда тот отказывался прыгнуть в лодку, сшитую из тюленьих шкур.

– Торак, – сказала она, – ты не сможешь сделать все сам. Я рассказала, как тебе нужно подготовиться к этому обряду, но дальше тебе понадобится помощь. Я приду и помогу тебе.

– Нет.

– Да.

– Но ведь ты ненавидишь всякое колдовство!

– Это не важно. Зато я хотя бы представляю себе, как его применять!

Торак встал:

– Послушай, Ренн. Сейчас все совсем не так, как прежде. Это в былые времена ты могла убежать, никому ничего не сказав, и Фин-Кединн сперва сердился на тебя, а потом прощал. Теперь ты можешь погибнуть.

– Я знаю, что риск велик, но я...

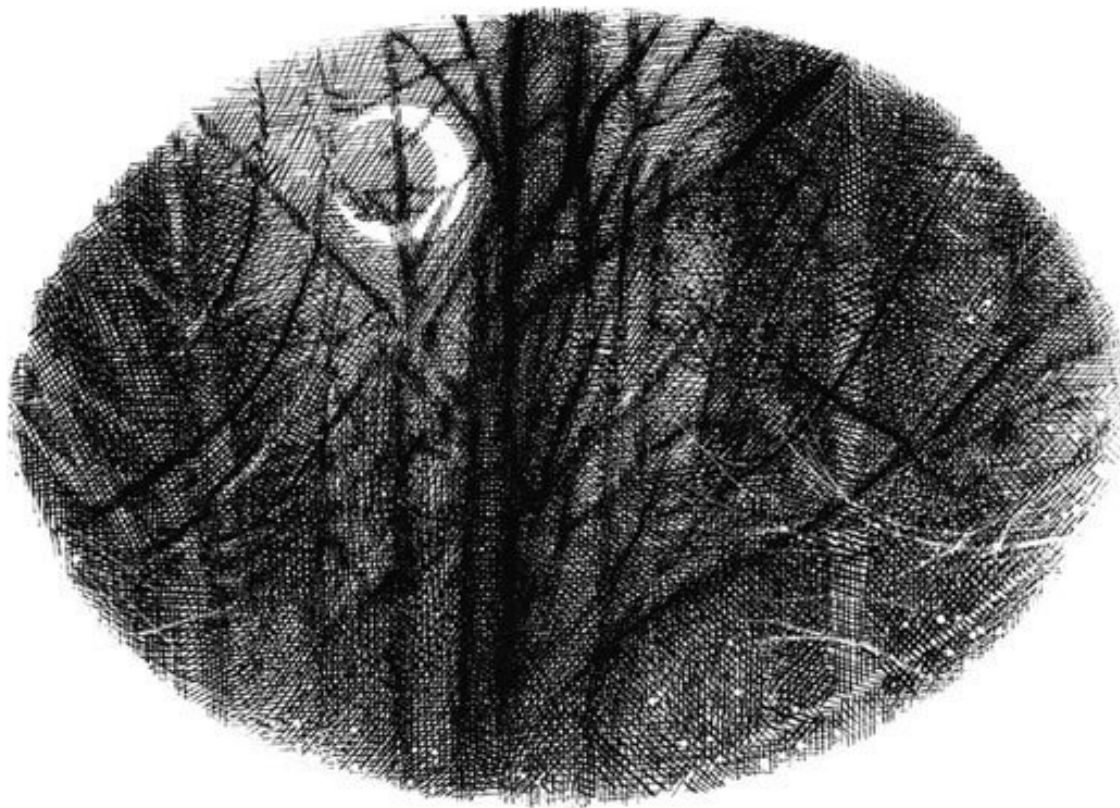
– Нет. То, что сегодня ты пришла сюда, уже было невероятно смелым поступком. Но ты не можешь... ты не должна больше так поступать. Ты не должна ничего для меня делать!

Ренн вскочила:

– Не тебе решать, что мне делать, а чего не делать! – Она повернулась и сняла с ветки свой лук. – А если ты случайно забыл, что и «в былые времена», как ты выразился, я на самом деле делала то же самое... Торак, ты меня слышишь? Торак!!!

Но он уже исчез. Растворился в ночи совершенно бесшумно, как призрак.

## Глава 7



Полная луна уже ярко сияла в темно-синем небе, но Торак все никак не мог решиться. Он не чувствовал в себе нужной готовности и всячески оттягивал момент сбора веток рябины, страшась того мгновения, когда нужно будет начинать обряд.

Целых полмесяца он таился в Лесу, питаясь тем, что принесла ему Ренн, да еще время от времени ловил в силки зайцев, белок и птиц. Дни сменяли друг друга и были похожи как две капли воды: поиски пищи, жизнь ползком в зарослях и ужас при звуке чьих-то шагов или голосов.

Аки со своими собаками так больше и не появился. Сейчас в племенах на счету был каждый человек; следовало использовать последнюю возможность и наловить как можно больше рыбы, поскольку нерест лосося заканчивался. А уж вождь племени Кабана всегда заставлял своего сынка трудиться как полагается.

«Ищи такое место, где магическая сила как бы от земли исходит, – посоветовала ему тогда Ренн. – Ты и сам сразу это почувствуешь. Вот там и нужно совершить обряд».

И Торак такое место нашел – хотя, возможно, это было не совсем то, что она имела в виду. Это довольно пустынное место находилось на южном крутом склоне холма, у подножия которого простиралась долина, именованная лесными племенами Долиной Рек-Близнецов. Там две реки – Топорище и Зеленая – сливались в одну и, громко споря друг с другом, образовывали реку Белая Вода с водопадом, над которым постоянно висела туманная дымка из-за множества брызг, а между огромными валунами, наваленными на берегу как попало, пробивались к жизни тонкие березки и рябинки.

Но здесь, к сожалению, было довольно опасно: люди находились слишком близко. Белая Вода, с шумом падая вниз, устремлялась на запад, к Морю, до берега которого отсюда было не более одного дня ходьбы. И там, на берегу, как раз и происходило общее собрание племен.

Впрочем, так близко от большого скопления людей никто и не стал бы искать изгнанника. А водопад заглушит его крики, если боль будет настолько сильной, что он не сможет терпеть.

Отгнав эту мысль, Торак срезал еще одну ветку рябины и в сотый раз пожалел, что у него нет топора.

Вдруг у него за спиной раздался треск.

Он резко обернулся.

В лесной чаще мелькнула какая-то тень.

Торак, спотыкаясь, поспешно отступил назад.

Тень упорно надвигалась прямо на него – это был уже знакомый ему молодой лось.

– Опять ты! – воскликнул Торак. – Да уходи же! Я ведь сказал: я не твоя мать!

Лосенок, опустив голову, ткнулся в него мордой, и на лбу у него Торак почувствовал горячие, покрытые мягкими завитками бугорки: там вот-вот должны прорасти рога. Молодой лось был уже очень большой, но двигался все равно как-то неуклюже, робко, словно извиняясь за то, что так велик. Торак заметил у него на боку рану – видно, рассерженная мать-лосиха лягнула его своим острым копытом – и почувствовал сильную жалость к этому недотепе.

Юный лось не понимал, почему мать его прогоняет. И еще не очень-то знал, кого ему следует бояться в Лесу. Например, Волк оставил его в живых только потому, что охота уж больно удалась. И на Торака этот сохатый набредал уже дважды, и тот прогонял его, а ведь другой охотник мог бы его убить. Торак, конечно, убивать его не стал бы – на переработку такой туши ему потребовалось бы слишком много времени, – но и позволить лосю таскаться за ним следом он тоже не мог: ведь тогда этот рогатый дурачок никогда не научится бояться лесных Охотников. И вот теперь этот лось, видимо, решил, что они с Тораком друзья!

– Кыш! – Торак замахал на него руками.

Лось смущенно посмотрел на него своими карими глазами, но продолжал стоять.

– Уходи же! – Торак стукнул его по носу.

Лось развернулся и нехотя побрел обратно в Лес. Торак снова остался в одиночестве. И снова его охватил ужас. Теперь уже ничто не стояло между ним и необходимостью совершить обряд.

Но мысль о том, что вместе с проклятой татуировкой придется вырезать кусок собственной плоти, вызывала у него тошноту. Хотя мысли о том, во что он может превратиться, если станет Пожирателем Душ, были еще страшнее. В последние дни чертову отметину стало жечь, как огнем. Торак прямо-таки чувствовал, как она въедается в его плоть.

Место, которое он выбрал для совершения обряда, было шагов на двадцать выше реки – огромный горбатый валун, со всех сторон окруженный рябинами. Лунный свет слабо поблескивал на его поверхности. «Жаль, – подумал Торак, – что тьма недостаточно густая – какой-то странный полумрак, пронизанный лунными лучами, хотя летом солнце никогда надолго спать не ложится».

Оставив свой спальный мешок, колчан и лук у подножия валуна, Торак взобрался на него. Под башмаками похрустывал сухой мох, испуская облачка пыли и спор, пахнувших плесенью. Гранитный валун был холодным. Здесь, на его вершине, Торак слышал только оглушительный грохот водопада, в котором тонули, казалось, все прочие звуки Леса. На западе виднелись красные отблески костров, точно колотые раны в шкуре ночи, и Торак как-то особенно остро ощутил свое одиночество.

С охоты вернулся Волк. Морда его казалась черной от засохшей крови. Легко поднявшись на задние лапы, он положил передние на «щеку» валуна, готовый в любое мгновение подпрыгнуть и присоединиться к Тораку.

«Нет, – по-волчьи приказал ему Торак. – Оставайся внизу».

Волк сел на задние лапы, озадаченно глядя на него снизу вверх.

Торак заставил себя не обращать на него внимания. Волк все равно не поймет того, что он собирается с собой сделать, а объяснить ему это совершенно невозможно.

Впервые в жизни Торак собирался прибегнуть к магии, вступить во взаимодействие с теми силами, какими пользуются колдуны, желая увидеть будущее, или исцелить больного, или отыскать добычу, – с теми силами, которых он не понимал, которые были ему совершенно неподвластны.

\* \* \*

«Колдовство – это просто способ добраться до самых глубин, – пыталась втолковать ему Ренн то, что для нее было столь же ясным и естественным, как для него – разбирать следы в Лесу. – С его помощью можно познать внешнюю душу всего живого и неживого – Нануак. Но ты должен быть очень осторожен, Торак. Это ведь все равно что идти вброд через быструю реку: если попадешь в омут или случайно оступишься, река может и унести тебя».

Нануак!

Торак чувствовал в себе ту первичную жизненную силу, что пульсирует, бьется во всем сущем: в реке, скалах, деревьях, Охотниках и добыче – и связывает все с Великим Духом.

Торак стер с лица водяные брызги и отвязал от пояса мешочек из лебединой лапки. Лебединые когти были еще остры, на коже сохранились чешуйки. Открыв мешочек, он выложил перед собой те предметы, которые дала ему Ренн.

«Существует пять магических ножей, – рассказывала она. – Посылающий. Призывающий. Очищающий. Связующий. Отделяющий. Для твоего ритуала понадобятся очищающий и отделяющий ножи. – В этот момент Ренн нервно сглотнула и продолжала: – Тебе понадобится еще хотя бы по одному предмету, принадлежащему каждой из четырех основных групп племен: лесных, ледяных, горных и морских. Лесные племена будет представлять рожок с охрой, принадлежавший твоей матери. Возьми немного „крови земли“ и смешай ее с животным жиром – подойдет любое животное, кроме водного, – затем обведи свою метку по кругу. Это будет граница, внутри которой тебе придется... все срезать. – Ренн тяжело вздохнула. – Племена льдов представит этот мешочек из лебяжьей лапки. Он принадлежал колдунье из племени Песца, и в нем заключено немало добрых сил».

«А горные племена?» – спросил, похолодев, Торак.

Ренн вытащила из своей сумочки с целебными травами горсть сушеной рябины, нанизанной на шнурок, сплетенный из волокон кипрея.

«Я тут встретила кое с кем из племени Рябины – они спешили пораньше прийти к месту встречи племен, чтобы занять лучшее место для стоянки, – и выменяла на это ожерелье свою стрелу».

«Но разве они не заметят, что ты не носишь их ожерелье?»

«Я тоже об этом подумала, а потому разделила нитку пополам». И она, подняв руку, показала Тораку вторую такую же нитку бус, обвязанную у нее вокруг запястья.

Первую нитку она повязала на руку Тораку. Она все время хмурилась, но Торак догадывался, что ей, как и ему самому, становится легче, когда они вместе готовятся к совершению этого страшного обряда.

«Когда придет время, – сказала она, – ты должен приготовить себе особое снадобье, чтобы очиститься. Корень гулявника нужно растереть вместе с корой ольхи, листьями буквицы и бузины и залить чистой водой. Воду возьми в той реке, что называется Топорище, – это важно, потому что она свою силу черпает во льдах на вершинах гор. И пусть все это хотя бы сколько-то времени постоит в лунных лучах».

Он приготовил этот напиток еще вечером, в сумерках, смешав все, что велела ему Ренн, в чашке, которую смастерил из беличьей шкурки, а потом оставил на вершине валуна, чтобы напиток впитал силу лунных лучей, пока он, Торак, будет срезать ветки рябины.

«Я не думаю, что в этом напитке есть нечто такое, отчего твои души могли бы разбредиться в разные стороны, – сказала ему Ренн, – но ты все-таки лучше нарисуй на лице знак Руки, а тело натри рябиновым листом. На всякий случай. Ну а я, разумеется, буду рядом, если вдруг что-нибудь случится».

«А что мне использовать от имени морских племен?»

«Нож твоего отца. Ведь нож этот из морского сланца. И вот что, Торак: наточи его как следует, он должен быть очень острым. К тому же тебе будет не так больно».

Торак в ужасе смотрел, как Ренн достает свою коробочку с иглами, моток ниток из сухожилий и маленький костяной рыболовный крючок.

«А крючок зачем?» – спросил он.

Ренн, не глядя на него, объяснила:

«Ты не должен делать слишком глубокий надрез, иначе можешь повредить мышцы... – (Торак невольно коснулся груди.) – Я тебе сейчас покажу. – И Ренн ножом нацарапала крест у себя на колене, обтянутом штанами. – Вот, смотри: это твоя татуировка. Ты... сделаешь вокруг нее надрез примерно в форме ивового листка, а затем... подцепишь крючком кожу в центре и дернешь... – На лбу у Ренн выступили капли пота, когда она подцепила крючком рисунок на колене и приподняла оленью шкуру, из которой были сшиты ее штаны. – Так ты сможешь оторвать подрезанную по краям кожу вместе с татуировкой. А потом как можно быстрее соедини края раны и шей их покрепче».

Когда она закончила свои объяснения, их обоих трясло от ужаса.

\* \* \*

Водяная пыль, летевшая от Рек-Близнецов, казалась Тораку ледяным дождем; у него все лицо было мокрым, когда он, опустившись на колени, выпил горький напиток из трав, затем очистил себя пучком рябиновых веток, нанес на лицо метку Руки и наконец разложил перед собой набор игл и рыболовный крючок. У него было такое ощущение, словно сейчас он лишится чувств.

Внизу, у подножия валуна, Волк вскочил и поднял морду, хвост у него стоял трубой: он явно уловил чей-то запах.

«Что там?» – по-волчьи спросил Торак.

«Другой».

«Кто другой?»

«Другой».

Волк покружил у подножия валуна и вопросительно посмотрел вверх, на Торака; глаза его в лунном свете отливали серебром.

Но что бы Волк ни имел в виду, Торак не мог допустить, чтобы какой-то неведомый «другой» отвлек его сейчас от основной цели. Если он немедленно не начнет, потом у него уже не хватит мужества.

Он стащил через голову куртку, и водяная пыль тут же покрыла все его тело ледяной пленкой. У него даже зубы застучали от холода. Дрожащей рукой он обвел охрой проклятую метку – трезубец Пожирателя Душ.

И вытащил нож. Отцовский нож. Голубой морской сланец тоже казался ему ледяным, зато ручка была по-прежнему тяжелой и теплой.

Волк негромко зарычал.

Торак на всякий случай велел ему оставаться внизу и приготовился сделать первый над-рез.

\* \* \*

Близилась заря. Торак лежал у подножия валуна в своем спальном мешке и весь трясся, не в силах сдержать дрожь. Ему было так больно, что перехватывало дыхание. Не хотелось жить! И не было в мире больше ничего, кроме этой оглушающей, лишающей разума боли в груди.

Рыдание вырвалось у него из уст, он стиснул зубы. «Отец ведь тоже это проделал, – сказал он себе. – Он тоже вырезал эту проклятую метку, он тоже через это прошел. Значит, сможешь и ты».

Голоса Рек-Близнецов гулко отдавались у него в голове, вторя пульсирующей боли в груди.

«Но у отца была подруга, она была рядом с ним, она ему помогала. А рядом с тобой никого нет. Ты совершенно один...»

Торак зарычал от боли и зарылся лицом в шкуру северного оленя.

Что-то зашекотало у него в носу. Это оказался длинный рыжий волос, волос Ренн. Ну да, это ведь ее мешок, она в нем когда-то спала... Торак старательно собрал все рыжие волоски и сжал их в руке. «Я не один», – сказал он себе.

Через некоторое время он услышал цоканье когтей по камням. Холодный нос ткнулся ему в щеку. Волк с тяжким вздохом рухнул с ним рядом.

– Я не один, – прошептал Торак, погружая пальцы в густую шерсть своего четвероногого брата. «Никогда не покидай меня», – попросил он его по-волчьи.

Волк снова ласково ткнулся носом ему в щеку и ободряюще лизнул.

И Торак, обнимая Волка и не выпуская из пальцев его шерсть, соскользнул в забытьи, навстречу кошмарным снам.

Ему привиделось, что на Ренн напал лось. Не тот подросток, который так хотел с ним, Тораком, подружиться, а взрослый самец.

Торак попытался шевельнуться, встать, но сон не пускал, цеплялся за его ноги, так что Торак мог лишь беспомощно смотреть, как Ренн, прижавшись спиной к дубовому пню, отчаянно ищет глазами, куда бы взобраться, чтобы лось не смог ее достать. Но вокруг ничего подходящего не было: за спиной у нее была река, а впереди – крошечные ивки, по колено высотой.

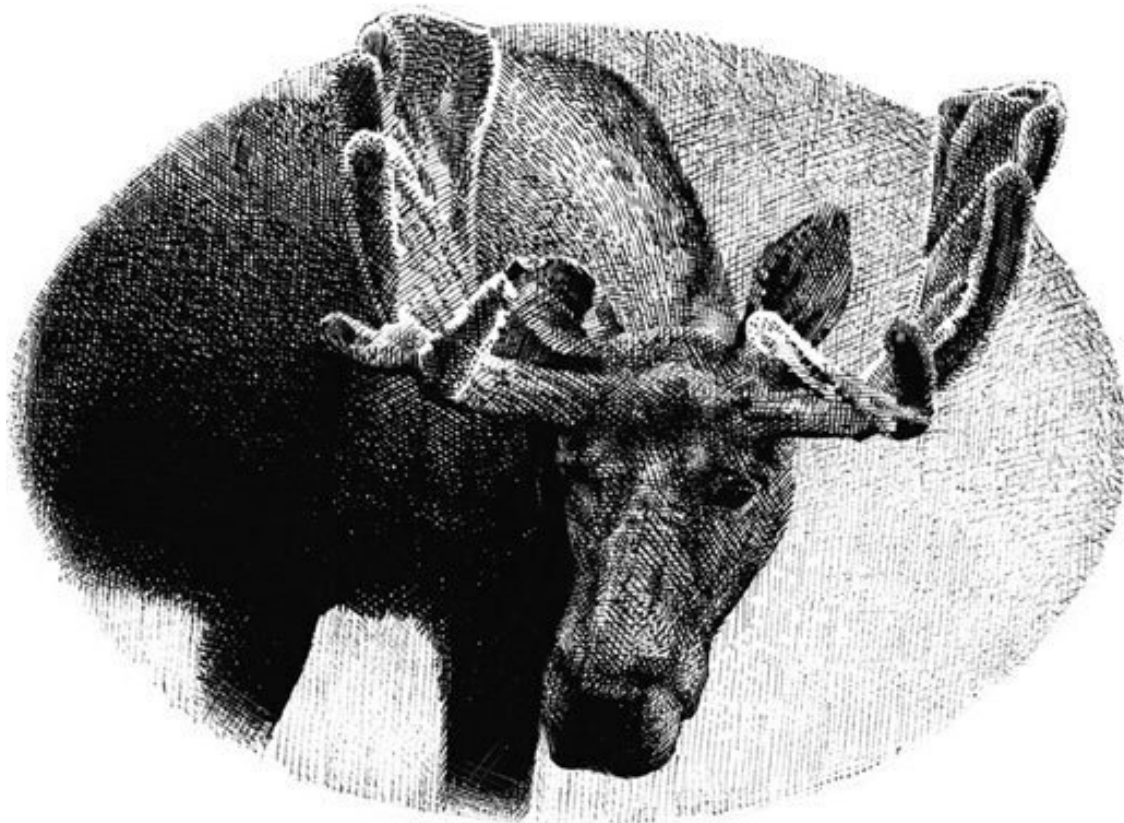
Лось взревел, и от его рева, казалось, вздрогнула земля; затем он наклонил голову и приготовился к атаке. Одного удара этих страшных острых копыт достаточно, чтобы расколоть череп кабану, а волку пополам переломить хребет. У Ренн не было ни малейших шансов на спасение.

Лось ринулся на нее, и Торак почувствовал, как задрожала земля, почуял запах мускуса – запах разъяренного зверя – и вдруг ощутил резкий приступ боли где-то внутри, в животе. И боль эта была такой ужасающе знакомой...

...Но теперь это была уже его ярость; она гнала его огромное тело вперед, и это его рога ломали и отбрасывали ветки, когда он грозно приближался к Ренн...

«Это не сон, – с ужасом понял Торак. – Это происходит на самом деле!»

## Глава 8



Лось с шумом вылетел из чащи, и Ренн испуганно метнулась за пень и присела на корточки. С ужасающей лихостью лось крутанулся на одной ноге, словно высматривая врага. Ренн осторожно выглянула из-за дубового пня и тут же снова присела, низко склонив голову. А лось галопом унесся прочь, но через некоторое время вновь выбежал из Леса, по-прежнему готовый к атаке.

Почти не дыша, обливаясь потом, Ренн скорчилась за дубовым пнем. Рядом не было ни одного дерева, на которое можно было бы взобраться: этот склон два лета назад специально расчистили для стоянки. Правда, в десяти шагах от нее была река, но она все равно не успела бы туда добраться. Да и лоси к тому же отлично умеют плавать.

В коленку ей вонзился какой-то корень, и она чуть шевельнулась, переменив положение. И тут же почувствовала, что проваливается в какую-то нору. Бормоча слова признательности своему Хранителю – ворону, Ренн подтянула к себе лук и стала задом вползать в это спасительное отверстие – нору или дыру. Если ей удастся туда забраться, лось не сможет достать ее: эта нора слишком узка для его рогов. И потом, лось вряд ли станет раскапывать нору. Во всяком случае, обычный лось.

Но это был явно не обычный лось.

И ведь у нее не было никаких предчувствий, она вообще ни о чем таком не думала. После бессонной ночи она, точно слепая, потихоньку выползла из убежища и двинулась вверх по реке. Если бы кто-то спросил, куда она идет, она бы сказала, что на охоту, но на самом деле она очень тревожилась о Тораке и надеялась отыскать хоть какие-то его следы, даже если он уже и ушел из тех мест.

И тут вдруг из полузатопленных зарослей вынырнул этот лось.

Ренн была ошарашена, но особой тревоги не испытывала. Лось, должно быть, пасся в зарослях осоки или доставал копытами корни водяных лилий. Ничего страшного, она просто посторонится и даст ему понять, что не собирается на него охотиться, и он, конечно же, спокойно пройдет мимо.

Но все сложилось вовсе не так, как она ожидала.

В лицо Ренн ударили комья земли. Стряхнув землю с ресниц, она взгляделась в серый клочок неба, видимый из норы, и своим зорким охотничьим глазом заметила несколько черных и белых шерстинок, зацепившихся за край. Ага, значит, это барсучья нора! Остается надеяться, что барсук, в чьи владения она вторглась, еще не очнулся от зимней спячки и находится где-то в глубине норы, далеко от входа. Иначе ей несдобровать. Оказаться между обезумевшим лосем и разъяренным барсуком – выбор, не предвещающий ничего хорошего.

Ренн судорожно пыталась решить, что же ей теперь делать. Так. Лук и стрелы, хвала Хранителю, не пострадали, да и топор она по-прежнему сжимает в руке. Можно, конечно, подождать, не придет ли кто-нибудь ей на помощь... Или все же лучше попытаться пробиться самой?

Нет, сражение с лосем ей уж точно не выиграть. Он такой громадный! Она, наверное, могла бы, не наклоняясь, пробежать у него под брюхом. И рога у него вон какие широченные! Куда шире ее раскинутых в обе стороны рук. А одного удара его острого копыта вполне достаточно, чтобы вспороть ей брюхо, как пойманной рыбине. Ох уж эти лосиные копыта!.. Однажды Ренн видела, как лосиха убила медведя, всего два раза ударив его копытами: один раз – в челюсть, отчего медведь ошеломленно присел на задние лапы, а затем, встав на дыбы, изо всех сил ударила его обеими передними ногами и раскроила хищнику череп.

Но вот что странно: на нее напала вовсе не лосиха, защищающая своего детеныша, а взрослый самец! В это время года самцы ведут себя вполне спокойно. До осеннего гона, когда они совершенно теряют голову и действительно становятся смертельно опасными, еще целых четыре месяца!

Почему же он все-таки напал на нее? Может, болен? Или его мучает застарелая рана? Нет, Ренн не заметила ни того ни другого. Злые духи? На это вроде бы тоже не похоже. И все-таки было в этом лосе что-то такое... странное.

В лицо Ренн снова полетела земля, – видимо, лось в гневе рыл копытом землю; выплюнув колючие комочки, она чуть подтянулась и с превеликой осторожностью выглянула наружу.

Заросли папоротника были насквозь пронизаны лучами раннего солнца. Утренний ветерок шевелил ветви спящих ив, словно пытаясь разбудить их. Что-то тихонько нашептывала река, направляясь к Морю. Все казалось исполненным такого покоя...

Но нет, вон он! Возле зарослей лопушника. Притаился, но Ренн заметила кончик огромного острого копыта и потемневший от пота бок.

Сердце у нее билось так, что шумело в ушах.

Лось стоял, опустив голову, и время от времени смачивал ноздри своим длинным языком, чтобы лучше чують запахи. Его крупные уши приподнялись и шевельнулись в ее сторону.

Ренн оцепенела от ужаса.

Он знает, где она прячется! Она оказалась права: этот лось действительно был ранен; один его глаз, проткнутый соперником во время прошлого гона и превращенный в кровавое месиво, был слеп. Но второй, зрячий глаз был устремлен прямо на нее!

Ренн затаила дыхание: в этом пристальном взгляде зверя она вдруг почувствовала некую знакомую душу.

– Не может быть, – прошептала она.

Лось ковырнул лопушник копытом.

«Это же просто лось, – уговаривала она себя. – И Торак тут совершенно ни при чем».

И все же она знала – это была та самая уверенность, которая порой посещала ее и которую колдунья Саеунн называла внутренним зрением, – знала, что сейчас блуждающая душа Торака вселилась в этого лося! Его душа соединилась с обезумевшим зверем, и он напал. Напал на нее, на Ренн!

– Нет, это невозможно! – снова прошептала она. – Да и с какой стати Тораку нападать на меня?

Ее подташнивало от растерянности и страха; голова так кружилась, что она на всякий случай покрепче стиснула рукоять топора. Выйти из норы не было никакой возможности. Из создавшегося положения, как ясно понимала Ренн, выход был только один: кто-то из них должен будет умереть.

\* \* \*

Волк стоял на страже все то время, в течение которого Большой Бесхвостый бесформенной кучей лежал в забытьи на оленьей шкуре, то и дело вздрагивая и постанывая.

Запах других, который Волк уловил еще во Тьме, теперь почти исчез, но не совсем; он по-прежнему был где-то близко. Это был совершенно новый запах, и все-таки он о чем-то напоминал Волку. О чем-то очень плохом.

В обычных обстоятельствах Волк, конечно же, сразу бросился бы на поиски и отыскал источник этого запаха, но Большой Брат просил никогда его не покидать. Это была очень странная просьба. Ведь Волк постоянно покидал Бесхвостого, и тот всегда относился к этому очень спокойно. Волк убегал от него, чтобы охотиться, чтобы весело съезжать по мокрым склонам холмов, чтобы яростно вгрызаться в чудесно пахнущую подгнившую плоть павшего зверя, чего, кстати, Большой Брат по непонятной причине терпеть не мог. Но сколько бы Волк ни бегал вдали от Бесхвостого, он всегда возвращался назад, к нему.

А теперь сложилась совершенно непонятная ситуация. Волк подобные ситуации просто ненавидел, но поделаться ничего не мог. И никак не мог ухватить зубами ответ на свои вопросы.

И тут он услышал вой.

Волки! Далеко, за много прыжков отсюда. Хотя в точности сказать, где именно, было невозможно, потому что вся стая выла, развернувшись в разные стороны. И Волк прекрасно понимал, для чего это делается. Сейчас, когда Свет продолжается все дольше, как бы поедая Тьму, как раз начинают нарождаться волчата. И в этой стае наверняка есть волчата. Вот никто из волков и не хочет, чтобы другие Охотники смогли найти их заветное Логово. Та стая, с которой Волк бегал на Священной Горе, пользовалась тем же обманным трюком.

Погодите-ка! Волк вскочил. Так ведь это же она и есть! Стая со Священной Горы! Он узнал голос ее вожака!

Виляя хвостом, он завыл в ответ: «Я здесь! Здесь!» И сразу представил, как вся стая, собравшись вместе, задрал морды вверх и прищурил глаза от удовольствия, воеет на все голоса, ибо не так уж часто доводится всласть попеть хором. И Волка охватило страстное желание броситься к ним.

Но тут стая вдруг умолкла.

И Волк сразу перестал мести землю хвостом.

Больше всего ему сейчас хотелось, чтобы Большой Брат поскорее пришел в себя. Но тот все продолжал дергаться и стонать во сне.

Стая молчала, зато вскоре Волк услышал какое-то неумелое, лихорадочное тьяканье и подвывание – так обычно разговаривали бесхвостые, пытаясь что-то сказать по-волчьи. Волк сразу догадался, что это Большая Сестра. Он, правда, совершенно не понимал, что она говорит, но явственно слышал, что она попала в беду.

Волк тронул лапой Большого Брата, пытаясь разбудить его.

Но тот даже не пошевелился.

Волк схватил его зубами за верхнюю шкуру и потянул. Не помогло. Он принялся тереть длинную черную шерсть у него на голове. Но и это не помогло. Тогда он, не выдержав, рывкнул Бесхвостому в самое ухо. Уж это-то всегда действовало безотказно.

Но сейчас не подействовало и это.

У Волка вся шерсть встала дыбом, когда он наконец понял, что перед ним на оленьей шкуре лежит, свернувшись в клубок, всего лишь тело, оболочка Большого Бесхвостого. А то, что внутри, – его душа, которая дает ему жизнь, – исчезло.

Волк догадался об этом, потому что такое уже случалось и раньше. Порой ему доводилось видеть, как это странное бродячее дыхание уходило из тела Брата. Что было странно – оно выглядело почти так же, как и сам Большой Брат, и запах от него исходил такой же, но Волк твердо знал: не стоит подходить к этой штуке чересчур близко.

Волк сделал несколько кругов по поляне. Судя по запаху, Бесхвостый в этом своем странном обличье отправился на поиски Большой Сестры. Значит, и ему, Волку, надо ее отыскать.

Он прямо-таки летел через Лес. Он вспугнул дикую лошадь с жеребятами и чуть не наступил на спящего поросенка, чем привел в дикое раздражение его мамашу, но все же успел удрать от разъяренной кабанихи, пока та поднимала с земли свою огромную тушу. Петляя в зарослях ольхи на берегу Быстрой Воды, Волк большими прыжками неся на голос Большой Сестры. Он чуял ее свирепую решимость. Он чуял запах свежей крови и рассерженного лося.

И вдруг голос Большой Сестры сорвался и умолк.

Волк еще прибавил ходу.

И тут порыв ветра донес до него новый запах: это был запах других.

Волк замедлил бег и остановился. Другие направлялись напрямик к беззащитному телу Большого Брата.

Волк колебался.

Что же ему делать?

## Глава 9



Торак приходил в себя с огромным трудом, словно поднимаясь сквозь толщу воды со дна глубокого озера. Что-то случилось с ним этой ночью – что-то ужасное, – но он никак не мог припомнить, что именно.

Он лежал в своем спальном мешке, и утреннее солнце светило ему прямо в глаза. Во рту был такой отвратительный вкус, словно он наелся золы, а рана на груди зверски болела.

Потом он заметил, что по-прежнему сжимает в руке тоненькую темно-рыжую прядку, и сразу все вспомнил. Вспомнил, как с шумом раздвигал своими мощными рогами папоротники, как разлетались из-под его копыт комья земли. Вспомнил, как мелькнул кремневый наконечник стрелы, вспомнил рыжие разлетающиеся волосы. И все. Больше он ничего вспомнить не мог.

Что же он все-таки натворил?

Торак мгновенно выскочил из спального мешка и очень удивил этим Волка.

«Что с нашей Сестрой? – спросил у него Торак по-волчьи. – С ней все в порядке?»

«Не знаю, – последовал ответ. Затем Волк лизнул его в лицо и спросил: – А ты как?»

Торак не ответил. Его блуждающая душа никогда еще не странствовала, пока сам он спит. И это явно не было связано с воздействием того снадобья, которое он приготовил для осуществления обряда очищения. Ведь Ренн как раз и сказала, что этот напиток не позволит его душам разбрестись в разные стороны. И потом, он ведь изобразил символ Руки у себя на лице, как она ему советовала. Торак быстро ощупал свое лицо, однако на нем не осталось и следа охры. Должно быть, он стер знак Руки, пока спал.

Как же все это могло случиться? Он мельком глянул на запекшийся страшный шрам у себя на груди. Метка исчезла. Однако он знал, как велико могущество Пожирателей Душ. Что,

если они, пока он спал, заставили его сделать нечто ужасное? Заставили напасть на ту, кого он любит больше всех на свете?

Тораку потребовалось целое утро, чтобы отыскать ту поляну. Он, правда, хоть и смутно, но все же помнил ее примерное местонахождение, поскольку ночью успел заметить и барсучью нору, и дубовый пенек, да и Волк ему помогал. Но когда они туда добрались, Торак эту поляну попросту не узнал. Папоротники и осока были изломаны и примяты, словно тут разразилась страшная буря; дубовый пенек оказался разнесен в щепы; и повсюду на зеленой траве и листве виднелись алые брызги крови.

У Торака все поплыло перед глазами. Во рту был привкус желчи. Из всех сил стараясь держать себя в руках, он мучительно восстанавливал разрозненные куски воспоминаний, собирая их воедино.

В истоптанной, размешанной копытами грязи возле пня он обнаружил отпечаток башмака Ренн. Длинный рыжий волосок зацепился за край входного отверстия в барсучью нору. А у реки он обратил внимание на примятую землю – в тех местах, где лодки-долбленки вытаскивали на берег, – и множество мужских следов, цепочкой тянувшихся от берега и обратно; обратный след был существенно глубже: эти люди явно несли что-то тяжелое.

Возможно, они успели как раз вовремя, думал Торак. Значит, они убили лося и увезли его с собой на этих лодках?

А что, если они увезли с собой и Ренн?

Торак чувствовал, что голова у него работает совсем плохо. Казалось, он даже свое знаменитое умение читать следы напрочь утратил.

«Это же был я, – с тоской думал он. – Это же я сотворил такое. Значит, я не в силах управлять собственной душой?»

Волк потыкался мордой ему в бедро, спрашивая, когда они пойдут дальше. Торак не ответил, но спросил, не пытался ли он, Волк, помочь Большой Сестре. Волк ответил, что хотел это сделать, но учуял других.

«Каких других? Что ты хочешь этим сказать?» – спросил Торак, но ответа Волка не понял. Волки ведь разговаривают не только с помощью рычания, поскуливания, посвистывания или воя, но и с помощью множества незаметных жестов и движений тела: наклона головы, движения ушей или хвоста, шерсти, то прилегающей к телу, то встающей дыбом, и так далее. Даже Торак не знал всех этих тайных волчьих знаков. Он сумел понять лишь, что Волк уловил некий «плохой запах», который явно направлялся в сторону его Большого Брата, и бросился на его защиту; но что бы это ни было, оно уже совершенно исчезло к тому времени, когда Волк снова вернулся к Тораку.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.